

536
Вацлавъ Строшевскій.

202
4 658

ПОГАШЕНО
21
91.5

Киб. 2146.

Въ странѣ
утренняго
спокойствія.

Путешествіе по Корее въ 1903 году.

№ 2145
Съ 26 фотографіями автора.

БИБЛИОТЕКА
Школы-фабрики
Кожевенныхъ Изделий.

[1905]

ПОГАШЕНО
915

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе редакціи журнала „Всходы“.

41334-44

2011147103

№ 2143
БИБЛИОТЕКА
ШКОЛЫ ЗАБОРИКИ
КОЖСВЕННЫХЪ ПИДЕЛИЙ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
I. Гдѣ находится и какова изъ себя страна Утрен- няго Спокойствія	1
II. Почему она такъ называется	5
III. Лѣса, луга и поля	9
IV. Начало моего путешествія	22
V. Животный міръ Кореи	33
VI. Внѣшность, языкъ и разселеніе корейскаго народа .	46
VII. Какъ живутъ, что ѣдятъ и во что одѣваются корейцы	52
VIII. Чѣмъ занимаются и что производятъ корейцы . .	73
IX. Во что вѣрують корейцы, какъ молятся и какъ хоронятъ покойниковъ	92
X. Семья. Воспитаніе дѣтей. Бракъ	107
XI. Конецъ моего путешествія	118

I. Гдѣ находится и какова изъ себя страна Утренняго Спокойствія.

Если бы кто-либо на крыльяхъ или на воздушномъ шарѣ полетѣлъ бы отъ южныхъ береговъ Крыма прямо туда, откуда ежедневно восходитъ солнце, то... за морями, за рѣками, за высокими горами, за широкими степями, за дремучими лѣсами, буквально за тридевять земель, онъ попалъ бы къ тому мѣсту, гдѣ угломъ сходятся два океана: Индѣйскій и Тихій.

Уголъ материка Азіи у сліянія океановъ окруженъ полувѣнкомъ крупныхъ острововъ, какъ Сахалинъ, Хоккаидо (Иesso), Нипонъ и многихъ помельче. Всѣ они вмѣстѣ образуютъ какъ бы громадный молъ, защищающій материкъ отъ напора океаническихъ волнъ и вѣтровъ.

Самый уголъ материка выдается далеко впередъ, въ видѣ длиннаго полуострова—это и есть Корея, страна Утренняго Спокойствія.

Такимъ образомъ Корея раздѣляетъ отрѣзокъ океановъ, охваченный дугою Японскаго архипелага на два моря: восточное—Японское и западное—Китайское, или Желтое.

Полуостровъ Корея съ извѣстной высоты представлялся бы путешественнику зимою какъ бѣлый,

покрытый снѣгомъ утесъ, длиною въ 900 верстъ, шириною отъ 130 до 200 вер., брошенный точно мостъ на синеву морей съ азіатскаго материка къ Японскимъ островамъ.

Лѣтомъ мостъ этотъ показался бы похожимъ на громадную, страшно корявую и избитую каменную плиту. Она положительно корявѣе дубовой коры. Она усыпана волдырями горныхъ сопокъ и вершинъ, гнется и коробится отъ горныхъ складокъ, морщинъ, хребтовъ; вся она истыкана провалами, котловинами, выемками, щелями и долинами, сообщающимися между собою посредствомъ ущелій. Вездѣ нагромождены другъ на друга скалистыя волны, утесы, обвалы, огромные, отдѣльные валуны, цѣлыя гряды острыхъ камней.

Такъ какъ среди корейскихъ скалъ много встрѣчается изверженныхъ, вулканическихъ породъ: гранитовъ, базальтовъ, порфировъ, много мѣстами лавы, пемзы и вулканической пыли, то страна производитъ впечатлѣніе, какъ-будто она совсѣмъ еще недавно была поднята изъ морской пучины дружной работой безчисленныхъ вулкановъ. Путешественникъ невольно ищетъ среди окружающихъ вершинъ дымящихся сопокъ, но ихъ нѣтъ; вулканы потухли, ихъ кратеры закрылись, заросли лѣсомъ или травой или наполнились снѣговой водой и превратились въ прелестныя горныя озера.

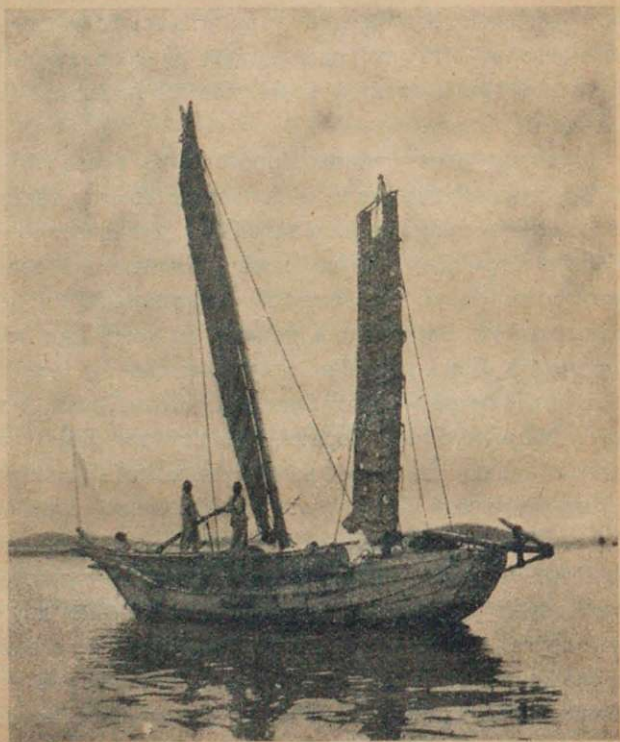
Сѣверная часть полуострова самая возвышенная. Тамъ у соединенія полуострова съ материкомъ вздымается, на 8.000 футовъ надъ уровнемъ моря, сопка потухшаго вулкана Пакъ-ту-сан'я, самой высокой горы въ Кореѣ. Отъ него, точно отъ узла, рас-

ходятся много хребтовъ. Самый главный горный жгутъ, состоящій изъ нѣсколькихъ параллельныхъ цѣпей, направляясь къ югу, проходитъ черезъ весь полуостровъ, точно его позвоночный столбъ, и носитъ названіе Алмазныхъ горъ (Кымъ-ганъ-санъ). Отъ него во всѣ стороны идутъ переплетающіяся горныя вѣтви и гребни. Горы всѣ понижаются къ западу и къ югу.

Корея орошена обильно, проточныхъ водъ много, но крупныхъ рѣкъ мало и большинство ихъ течетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ и изливается въ Желтое море. Двѣ самыя замѣчательныя по величинѣ рѣки Кореи протекаютъ на границѣ ея съ Маньчжуріей. Берутъ онѣ начало въ томъ же горномъ узлѣ Пакъ-ту-сан'я, откуда истекаетъ на сѣверъ, въ Амуръ, рѣка Сунгари, крупнѣйшая изъ рѣкъ Маньчжуріи. Говорятъ, что всѣ три рѣки питаются большимъ озеромъ, наполняющимъ дно потухшаго кратера Пакъ-ту-сан'я. Объ немъ корейцы рассказываютъ слѣдующую легенду: небожительница, развозящая на драконѣ по небу дождь, пролетая надъ горою, поссорилась съ мужемъ; отнимая другъ отъ друга сосудъ съ водою, они уронили его въ жерло вулкана, отчего тотъ потухъ, и на днѣ его образовалось чудное, какъ синяя жемчужина, озеро. Изъ него подземными путями струятся на сѣверъ Сунгари, на западъ—Ялу.

Кромѣ этихъ рѣкъ есть много и другихъ, менѣе замѣчательныхъ. Особенно густа ихъ серебристая бахрома на восточномъ откосѣ Алмазныхъ горъ. Онѣ легко проходимы въ бродъ и только во время дождей или весеннихъ разливовъ превращаются въ грозные

водяные потоки. Вообще разливы корейскихъ рѣкъ неожиданны и стремительны. Случалось не разъ, что путешественники, заночевавшіе мирно на берегу

Корейская джонка.

ничтожнаго ручейка, просыпались вдругъ среди бушующихъ волнъ свирѣпой рѣки, разлившейся отъ ночного ливня на сотни саженой. Русскіе военные корреспонденты не разъ описывали, какъ такіе не-

ожиданные разливы не только уносили войсковыя палатки, продовольствіе, повозки, оружіе, но даже топили лошадей и уносили людей.

Быстрота и размѣры этихъ разливовъ зависятъ, во-первыхъ, отъ необыкновенной силы корейскихъ ливней; во-вторыхъ, отъ большой крутизны и узости рѣчныхъ долинъ; въ-третьихъ, отъ малой проницаемости скалистой подпочвы. Вся вода, точно въ сильно наклоненномъ лоткѣ, сплываетъ мгновенно внизъ большимъ водопадомъ. По той же причинѣ, а также вслѣдствіе отсутствія въ горахъ ледниковъ, корейскія рѣки быстро мелѣютъ.

II. Почему она такъ называется?

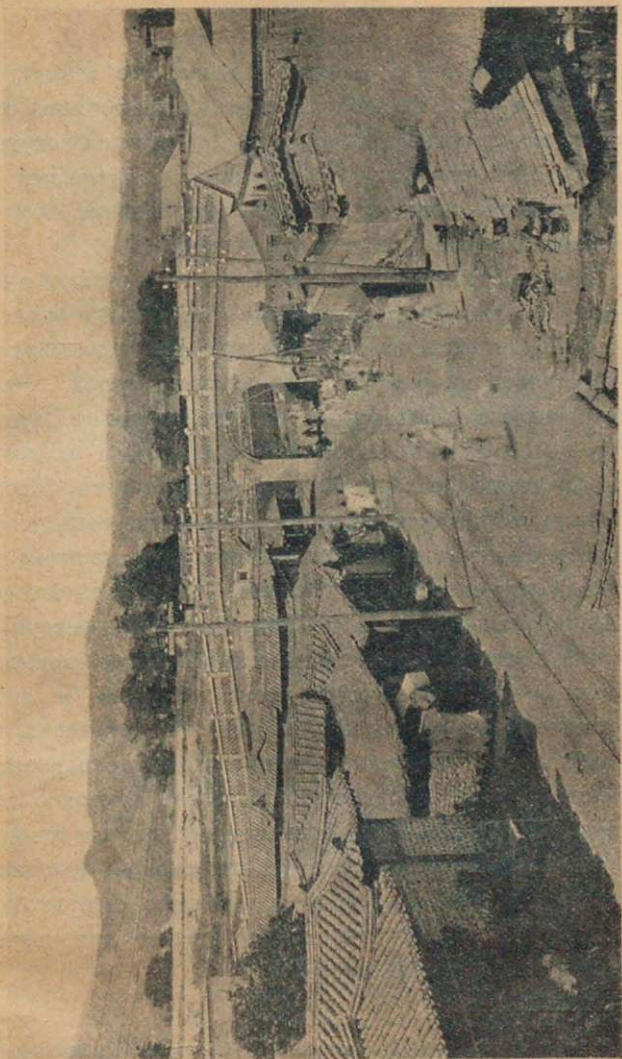
Причудливыя, часто очень поэтическія прозвища, даваемая странамъ, людямъ и явленіямъ на Дальнемъ Востокѣ, рѣдко оправдываются ихъ дѣйствительными качествами. Чаше всего они или отмѣчаютъ какую-либо исключительно второстепенную черту или намекаютъ только на нѣчто желательное, особенно цѣнимое народомъ въ данныхъ обстоятельствахъ. Это и составляетъ своеобразную прелесть этихъ прозвищъ, таинственныхъ и неожиданныхъ.

Сосѣдство обширнаго материка Азіи и двухъ великихъ океановъ создаетъ особыя климатическія условія для Кореи зимою, когда сухія возвышенныя плоскогорія Монголіи и восточной Сибири сильно охлаждаются, воздухъ надъ ними густѣетъ и точно громадный, тяжелый поршень давить на нижніе слои

атмосферы и гонить ихъ на югъ къ морю, гдѣ давленіе слабѣе. Оттого-то зимою въ Китаѣ, Корей и Японіи дуютъ съ сѣверо-запада холодные и сухіе вѣтры, сильно понижающіе температуру воздуха и его влажность. Наоборотъ, лѣтомъ голыя безводныя пустыни Азіи сильно накаляются; отъ нихъ сильно нагрѣвается воздухъ, который, подымаясь вверхъ, какъ болѣе легкій, тянетъ къ себѣ точно насосъ болѣе тяжелый и влажный морской. Тогда надъ Японіей, Кореей и Китаемъ пролетаютъ съ юга и юго-запада прохладные и влажные океаническіе вѣтры.

Исполинскій утесъ корейскаго полуострова лежитъ почти на полпути, на самомъ юру этихъ правильно смѣняющихся воздушныхъ теченій. Кромѣ того онъ находится въ области дѣйствія „тайфуновъ“—страшныхъ вихрей, свирѣпствующихъ съ мая по сентябрь въ Желтомъ и Японскомъ моряхъ. И хотя въ Корей много глубокихъ, хорошо защищенныхъ долинъ, гдѣ протокъ воздуха кажется слабымъ, но на высотахъ и у морскихъ береговъ почти непрерывно бушуютъ стремительные вѣтры. Тѣмъ болѣе рѣзко выдѣляются на фонѣ общаго движенія тѣ краткія минуты совершеннаго спокойствія, которыя случаются обыкновенно на разсвѣтѣ дня. Оттого и прозвали туземцы Корею—страною Утренняго Спокойствія (Цзо сіонъ).

Слѣдствіемъ вѣтровъ, дующихъ зимою съ континента, а лѣтомъ отъ океановъ, является въ Корей континентальная, сухая, холодная зима и влажное, морское лѣто. Безоблачныхъ, ясныхъ, солнечныхъ дней, тамъ, въ противоположность Европѣ, много больше зимою, чѣмъ лѣтомъ и морозы даже на югѣ достигаютъ иногда—15° Ц., а эти мѣста по ширинѣ

Видъ Сеула.

соотвѣтствуютъ Алжиру, гдѣ вѣдь совсѣмъ не бываетъ морозовъ.

Лѣто зато очень жаркое, средняя его температура равняется $+22^{\circ}$ Цельсія. Теплые, насыщенные парами юго-западные вѣтры съ мая мѣсяца окутываютъ весь полуостровъ облаками и туманами и превращаютъ его въ жарко натопленную баню, обильно орошаемую теплыми дождями.

Они не столь часты, какъ обильны и нерѣдко продолжительны. Путешественники описываютъ ливни, которые длились по два, по три дня и затопляли окрестности на подобіе библейскаго потопа. Русскій комиссаръ Веберъ описываетъ ливень въ Сеулѣ, который продолжался два дня и двѣ ночи и далъ въ дождемѣръ слой воды почти въ $1\frac{1}{2}$ фута. Представьте себѣ, какое огромное количество воды получилось бы на поверхности, если бъ вода не стекала. Вѣдь упало ея вездѣ на полфута, гдѣ падалъ дождь. Августъ самый жаркій мѣсяцъ въ году, январь — самый холодный. Къ особенностямъ Кореи принадлежитъ, что зима ея суха, весна холоднѣе и продолжительнѣе осени; затѣмъ зима на восточномъ ея берегу мягче, а лѣто — прохладнѣе, чѣмъ на западномъ. Западное море у корейскихъ береговъ ежегодно замерзаетъ, а восточное, Японское, не замерзаетъ никогда, хотя по нему тянется съ сѣвера холодное морское теченіе и всю зиму и весною, нерѣдко до половины мая, гуляютъ весьма опасные для мореплавателей ледяные штормы *).

*) Отъ такого ледяного шторма погибъ въ этихъ водахъ первый русскій китоловъ Дыдымовъ, недалеко отъ бухты его имени.

Такъ какъ многія растенія легче переносятъ болѣе острую зиму, чѣмъ холодное лѣто, то вслѣдствіе этого растительность на западномъ склонѣ полуострова много богаче, чѣмъ на восточномъ, и тамъ вызрѣваютъ болѣе рѣдкіе и нѣжные сѣмена и плоды.

Очень интересенъ древне-корейскій календарь. Это—календарь народа-земледѣльца. Годъ въ немъ подраздѣленъ на пятнадцатидневные періоды и названіе каждаго изъ нихъ заключаетъ въ себѣ указаніе на опредѣленное климатическое или земледѣльческое явленіе. Напр., время отъ 4 января по 19 января зовется „Сіо-ганъ“—небольшой морозъ, а время отъ 19 января по 3 февраля—„Та-ганъ“—большой морозъ; отъ 17 февраля по 4 марта—„У-сю“—обиліе дождей; отъ 4 марта по 18 марта—„Кіонъ чипъ“—конецъ зимней спячки (животныхъ); отъ 18 апрѣля по 3 мая—„Кокъ-у“—дождь для сѣмянъ; отъ 18 мая по 4 іюня—„Сіо-манъ“—сѣмена набухаютъ; отъ 4 іюня по 19 іюня—„Манъ-чжю“—посадка риса и т. д.

III. Лѣса, луга и поля.

Послѣ яркой, сочной, точно свѣже-вымытой зелени японскихъ острововъ берега Кореи показались мнѣ жалки, некрасивы и безплодны. Крутые, безобразно

Во время ледяного шторма холодный стремительный вѣтеръ несетъ тучи снѣга, который толстымъ слоемъ садится на палубу и снасти судна; въ то же время на палубу вкатываются волны, оставляютъ тамъ шугу, которая мгновенно прилипаетъ къ снѣгу, и такимъ образомъ слой льда на наводной части ко-

корявые скалы поднимаются прямо изъ воды; чахлая трава кой-гдѣ покрываетъ ихъ сѣрые откосы; нигдѣ ни рощицы, ни деревца; изрѣдка только въ глубинѣ узкой, щелевидной долины кудрявится невысокій кустарникъ. Первое впечатлѣніе крайне безотраднo. Между тѣмъ я много слышалъ о лѣсныхъ богатствахъ Кореи, и въ послѣдствіи убѣдился, что богатства эти существуютъ, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, какъ объ этомъ мнѣ рассказывали путешественники, побывавшіе только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кореи.

Обширные дѣвственные лѣса есть только на сѣверѣ полуострова въ бассейнахъ рѣкъ Ялу и Туманчана. Далѣе къ югу лѣса рѣдѣютъ, небольшіе ихъ островки прячутся или въ недоступныхъ долинахъ или всползаютъ высоко на откосы горъ. Дно долинъ занято полями; поля и луга простираются на пологихъ покатостяхъ и даже на тупыхъ верхушкахъ многихъ бугровъ. На югѣ страна кажется совершенно безлѣсной; только у селеній попадаютъ рощи плодовыхъ деревьевъ, сладкихъ каштановъ, грушъ, ивы, ильмовыя деревья и особый родъ ветлы, которую корейцы разводятъ на топливо и побѣги которой съ этой цѣлью подстригаютъ они ежегодно къ зимѣ какъ руно овецъ. Лѣсъ строевой въ южной и центральной Корей дорогъ, топливо тоже дорого,

рабля намерзаетъ все больше и больше, пока своей тяжестью не перевѣситъ подводной части и не опрокинетъ судна. Бороться съ этимъ нѣтъ возможности, экипажъ никогда почти не въ силѣ счистить намерзающей ледяной коры, судно спасаетъ только счастливая случайность.

и населеніе по большой части пользуется сучьями, хворостомъ, соломой, тростникомъ.

Корейское преданіе гласить, что сплошные лѣса когда-то покрывали всю Корею, но наврядъ ли это правда, такъ какъ скалистая почва не вездѣ благопріятствуетъ произрастанію высокоствольныхъ породъ, особенно при сильныхъ морскихъ вѣтрахъ. Есть наконецъ въ глубинѣ страны обширныя травянистыя долины, гдѣ деревья совершенно не растутъ по неизвѣстнымъ причинамъ и вѣроятно никогда не росли. Откосы горъ каменистыя, въ большинствѣ случаевъ сплошь покрытыя карликовымъ соснякомъ или дубнякомъ.

Но тамъ, гдѣ они есть, лѣса корейскіе дѣйствительно великолѣпны. На сѣверѣ и на высотахъ преобладаютъ хвойныя породы: ель, сосна и могучій корейскій кедръ. Въ долинахъ, гдѣ почва плодороднѣе и вѣтры менѣе докучливы, лиственные деревья — маньчжурскій дубъ, ясень, вязъ, клень, орѣхъ, липа, грабъ, сладкій каштанъ и много сортовъ березы — совсѣмъ вытѣсняють хвойныхъ своихъ собратьевъ и образуютъ роскошныя, зеленыя гряды, превращающіяся мѣстами благодаря густому подлѣску въ непроходимыя дебри.

Мнѣ случалось проѣзжать по такимъ лѣсамъ въ Алмазныхъ горахъ. Удобная, широкая и гладкая дорога подымалась вверхъ по уклону. Мы проѣхали ворота въ видѣ большой четырехугольной китайской бесѣдки на 8 столбахъ. Недалеко оттуда въ небольшой горной выемкѣ помѣщалось маленькое кладбище, уставленное отвѣсными камнями памятниковъ, изрытыхъ китайскими письменами. У дороги, на

гладко стесанныхъ бокахъ изъ сѣро-зеленыхъ скалъ чернѣли глубоко просѣченныя такія же буквы набожныхъ и мудрыхъ изреченій. Опять ворота. Вдемъ внизъ по отлогому спуску. Смеркается. Клубы тумана скользятъ внизъ съ верхушекъ горъ и блѣднымъ своимъ дыханіемъ наполняютъ прелестный

Корейская могила.

смѣшанный лѣсъ. Чернѣютъ въ немъ огромныя сосны и японскіе кипарисы; золотыя ивы, липы, ясени, оголенные совершенно отъ листвы ильмы чуть видны пониже во мглѣ; тонутъ въ сумеркахъ грузные, толстые, сладкіе каштаны съ многолопастными листьями, чуть обожженными осеннимъ инеемъ; мощные маньчжурскіе дубы далеко протягиваютъ свои узловатыя вѣтви, еще богато одѣтые мѣдно-красной листвой. Съ пней и разохъ лѣсныхъ великановъ вездѣ свѣшиваются гирлянды японскаго хмеля, нѣжныя, тонкія, причудливыя точно роскош-

ное кружево восточной шелковой ткани; черные, воздушные мосты лианъ и лимоннаго дерева тяжело повисли въ промежуткахъ деревьевъ; толстые ихъ жгуты грузно свисаютъ наподобіе корабельныхъ канатовъ къ самой землѣ, гдѣ мелколистный подлѣсокъ кустовидныхъ кленовъ, дикихъ вишенъ, сливъ, крушины, розъ и малины смѣшивается въ сплошную узорчатую, все еще зеленую чащу. Огненные и алая листья растеній, подернутые туманомъ и сумракомъ, сливаются въ чудесную цвѣтную мозаику... Свирѣпое, хищное чортово-дерево просовываетъ всюду свои усѣянные шипами побѣги, калѣча нѣжныя радужныя краски и изящныя формы своими терновыми вѣнками...

О да, хороши корейскіе лѣса... Жаль, что ихъ мало!

Длинное, жаркое, влажное лѣто способствуетъ развитію растеній. Нѣкоторыя деревья достигаютъ замѣчательныхъ размѣровъ, не уступающихъ японскимъ, но въ общемъ флора корейская безспорно и менѣе богата и менѣе роскошна, чѣмъ флора ея южной сосѣдки Японіи. Луга Кореи обильны и покрыты въ іюнѣ множествомъ цвѣтовъ лютиковъ, колокольчиковъ и красныхъ лилій, но они тоже уступаютъ нагорнымъ лугамъ Японіи и даже маньчжурскимъ, къ которымъ они ближе всего подходятъ по своему характеру.

Эту относительную бѣдность корейской растительности путешественники и туземцы объясняютъ лѣсными пожарами и крестьянскими распашками; только въ дикихъ, мало населенныхъ мѣстностяхъ будто бы сохранилась корейская флора во всей своей дѣвственной пышности; но такъ какъ такія мѣстно-

сти есть только на сѣверѣ полуострова или въ недоступныхъ ущеліяхъ, гдѣ условія прозябанія въ общемъ хуже, то въ сущности надо признать, что нѣтъ возможности провѣрить разсказовъ о прежнемъ баснословномъ богатствѣ корейской растительности.

Въ населенныхъ мѣстностяхъ Кореи малѣйшій кусокъ земли, годный подъ обработку, воздѣланъ и засѣянъ. Благодаря обилію скалъ и камней поля эти не настолько обширны, какъ это кажется на первый взглядъ. Камни корейцы собираютъ съ полей и складываютъ въ большія кучи, но ежегодно при вспашкѣ изъ разрыхленной земли появляются новые и новые камни, а ихъ въ подпочвѣ Кореи повидимому имѣются неистощимыя залежи.

Воздѣлываютъ корейцы главнымъ образомъ рисъ.

Рисъ, это — злакъ съ кистями, въ родѣ нашего проса.

Онъ требуетъ много влаги и растетъ на болотистыхъ почвахъ. Поля, предназначенныя для его воздѣлыванія, искусственно превращаются земледѣльцами въ болото. Съ этой цѣлью по откосу возвышенностей или скату долины крестьяне роютъ уступами плоскіе бассейны съ невысокими прямыми закраинами изъ земли и глины. Воду сначала пускаютъ на верхнія поля, затѣмъ, когда почва тамъ достаточно размякнетъ и напитается водою, излишекъ ея спускаютъ на нижнія поля или отводятъ ее въ сторону, если воды было много и всѣ поля по уступамъ могли быть орошены одновременно. Оставшуюся на днѣ поля тину, крестьяне вспахиваютъ и удобряютъ старательно. Къ тому времени въ такъ же приготовленныхъ небольшихъ разсадникахъ уже вы-

ращены подъ водою молодыя рисовыя разсады. Рись даетъ ростки и пускаетъ побѣги подъ слоємъ воды въ 2—3 дюйма глубиною. Когда онъ получитъ по третьему листу, воду спускаютъ. Въ мѣсяцъ или шесть недѣль послѣ посѣва рись готовъ для пересадки. Производятъ эту работу корейцы обыкновенно въ началѣ іюня. Растенія переносятся пучками въ большихъ корзинахъ на поля, воздѣланныя по вышеописанному способу, и ихъ разсаживаютъ въ

Рисовыя поля въ западной Корей.

грядкахъ по 5—7 былинокъ вмѣстѣ, въ разстояніи одного метра другъ отъ друга. Вся семья обыкновенно занимается этимъ дѣломъ; работа тяжелая, весь день приходится бродить выше колѣнъ въ густой и липкой грязи; но время не терпитъ, необходимо торопиться, иначе солнце убьетъ молодыя растеньица раньше, чѣмъ ихъ успѣютъ залить слоємъ

спасительной влаги. Подъ водою, которой тоже напускаютъ слой въ 3 — 4 дюйма, рисовая разсада быстро оправляется и начинаетъ расти и куститься. Въ концѣ августа рисъ цвѣтетъ, а въ октябрѣ (девятого корейскаго мѣсяца) онъ дозрѣваетъ. Рисъ даетъ въ Корей только одну жатву въ годъ. Зрѣлая рисовая нива въ урожайный годъ имѣетъ красивый искрасна-золотой цвѣтъ и роскошную кудрявую внѣшность. Тяжелыя кисти колосевъ нависаютъ и ложатся другъ на друга. Въ дождливое лѣто рисовая солома чернѣетъ и самый хлѣбъ часто сплошь вылегаетъ. Тогда зерно его много понижается въ качествѣ, теряетъ вѣсъ, вкусъ и жемчужную прозрачность отборныхъ сортовъ. Продолжительное пребываніе риса въ покосахъ тоже ухудшаетъ и качество зерна и уменьшаетъ его умоть. Сжатый, связанный въ небольшіе снопы рисъ корейцы складываютъ въ небольшія копны, накрытыя отъ дождя однимъ снопомъ-шапкой. Въ ненастье снопы сушатъ, развѣшивая попарно рядами на жерданныхъ козлахъ.

Второе мѣсто послѣ риса занимаетъ среди корейскихъ хлѣбовъ „чумицза“—родъ проса. Есть „чумицза“ желтая, низкорослая, не выше нашей пшеницы; изъ ея зерна готовится каша, которая составляетъ главную пищу бѣднѣйшихъ слоевъ корейскаго населенія; есть „чумицза“ красная, высокорослая, которая идетъ главнымъ образомъ на кормъ скоту, хотя въ нуждѣ ѣдятъ ее и люди, и есть наконецъ „чумицза“ грубо-зернистая, синяя, состеблями, толстыми какъ тростникъ, широкими какъ у кукурузы листьями; послѣдняя называется по всему

Дальнему Востоку „гаолянѣ“ (по корейски су-су). Гаолянѣ исключительно кормятъ скотъ да гонятъ изъ него водку; молодые стебли гаоляна идутъ тоже въ кормъ скоту, старые употребляютъ какъ топливо, наконецъ какъ строевой матеріалъ на стѣны сараевъ и даже домовъ; ихъ сверху только обмазываютъ глиной.

Горшки для квашенія салата и рѣдьки.

Гаоляновыя поля характерны для всего Дальняго Востока; они похожи на обширныя заросли, въ которыхъ равно хорошо прячутся какъ тигры, разбойники, такъ и мѣстные мирные жители въ случаѣ грозящей имъ опасности. Но въ Корей преобладаютъ не гаоляновыя поля, чрезвычайно распространенныя въ Маньчжуріи, а рисовыя, что дѣлаетъ ее болѣе похожей на Японію. Эти рисовыя поля тянутся по дну долинъ и взбираются высоко на холмы. Ихъ квадратныя плоскодонныя выемки кажутся искус-

ственными прудами, спущенными въ цѣляхъ рыболовныхъ или для очистки прудовъ отъ тины... И только зеленяя кисти риса лѣтомъ и темныя, правильно разбросанныя по дну пучки черныхъ корешковъ срѣзанной рисовой соломы по осени, говорятъ, что это поля... Рядомъ, въ глубокихъ каналахъ, защищенныхъ насыпями, журчитъ непрерывно вода; вода блеститъ широко и на поляхъ.

Изъ другихъ хлѣбовъ сѣютъ корейцы пшеницу, ячмень, овесъ и кукурузу, но ржи я въ Корей не встрѣчалъ. Изъ стручковыхъ больше всего воздѣлываютъ всевозможные сорта гороха и бобовъ.

Не послѣднюю роль въ хозяйствѣ корейцевъ играютъ рѣдька, рѣпа, морковь, лукъ, чеснокъ, турецкій стручковый перецъ, баклажаны, тыква, арбузы, огурцы и т. д.

Картофель мало распространенъ благодаря тому, что его занесли сюда христіанскіе миссіонеры и онъ считался властями до недавняго времени дурнымъ, запрещеннымъ растеніемъ и воздѣлывавшіе его подвергались преслѣдованію. Нѣтъ въ Корей тоже кочанной капусты, которую замѣняетъ длиннолистый салатъ „пец-цу“. У каждого корейскаго дома зеленѣютъ обязательно гряды этого „пец-цу“, котораго туземцы поѣдаютъ огромныя количества. Въ Сеулѣ торговый рынокъ по осени заваленъ горами этого салата; его квасятъ такъ же, какъ въ Россіи капусту.

Изъ промысловыхъ растеній заслуживаетъ упоминанія прежде всего хлопокъ. Кустамъ хлопчатника корейцы не позволяютъ вырастать въ деревца; ихъ вырываютъ съ корнемъ вслѣдъ за сборомъ хлоп-

чатобумажнаго пуха, точь въ точь какъ это дѣлается въ Россіи съ коноплей послѣ сбора сѣмянъ. Хлопчатникъ растетъ скоро и не требуетъ особеннаго ухода. Сѣютъ его на худшихъ земляхъ, каменистыхъ, не годныхъ подъ другіе хлѣба. Уже на десятый день послѣ посѣва являются изъ земли побѣги хлопчатника и быстро поднимаются, благодаря теплу и влагѣ благодатнаго для растительности корейскаго лѣта. Кустики скоро достигаютъ 2-хъ футовъ высоты и въ августѣ зацвѣтаютъ. Въ октябрѣ и позже, въ зависимости отъ погоды, можно собирать коробочки съ пухомъ. Этотъ пухъ, который идетъ на выдѣлку хлопчатобумажныхъ тканей, ваты и нитокъ, составляетъ собственно придатокъ зрѣлыхъ сѣмянъ хлопчатника, которыми одарила ихъ природа, чтобы ихъ легче разносило вѣтромъ по окрестнымъ землямъ, точь въ точь какъ у насъ нѣкоторые сорта ивняка. Съ одного кустика можно получить до 40 коробочекъ пуха. Этотъ пухъ затѣмъ очищается отъ сѣмянъ и ссучивается въ нитки, изъ которыхъ корейскія крестьянки ткутъ тотъ бѣлый коленкоръ, въ который главнымъ образомъ одѣвается населеніе полуострова. Лѣна корейцы не знаютъ; вмѣсто него сѣютъ крапиву, изъ волоконъ которой выдѣлываютъ грубый, рѣдкій холстъ, идущій на траурныя платья.

Большой доходъ даетъ корейскимъ крестьянамъ воздѣлываніе лѣкарственнаго корня жень-шеня. Легко узнать плантаціи этого растенія по высокимъ длиннымъ грядамъ, прикрытымъ цыновочными покатыми навѣсами, такъ какъ жень-шень, прекрасно переносящій холодъ и жару, не любитъ... свѣта. Туземцы очень прилежно ходятъ около растенія, часто по-

лють и окапываютъ его въ продолженіе четырехъ и больше лѣтъ, послѣ чего корень выкапываютъ. Одинъ такой корень стоитъ отъ нѣсколькихъ рублей до 100 рублей и больше. Чѣмъ старше корень и чѣмъ онъ больше напоминаетъ фигуру человѣка, тѣмъ онъ цѣнится выше. Но самые цѣнные, это—корни дикаго жень-шеня, который изрѣдка попадаетъ въ глухихъ дебряхъ сѣверной Кореи.

Большіе, человѣкообразные корни въ 2—3 фута длиною продаются за тысячи рублей. Не удивительно, что на поиски жень-шеня ежегодно отправляются толпы охотниковъ. Многіе изъ нихъ гибнутъ отъ тигровъ, разбойниковъ и голода, но это не останавливаетъ другихъ смѣльчаковъ. У искателей жень-шеня есть много заклинаній, молитвъ, примѣтъ и повѣрій, которыми они пользуются въ своихъ поискахъ ради обезпеченія себѣ успѣха. Жень-шень, по понятіямъ корейцевъ,—таинственное, почти разумное растеніе, дѣлающееся невидимкой для людей злыхъ и отдающееся въ руки охотно только людямъ добродѣтельнымъ или умѣлымъ заклинателямъ. Онъ растетъ въ мѣстахъ недоступныхъ, среди скалъ и лѣсной чащи, иногда скрытый грудями камней и валежника. По общераспространенному въ Китаѣ, Японіи и Корей мнѣнію, жень-шень возвращаетъ силы и здоровье старикамъ, лѣчитъ многіе недуги, а главнымъ образомъ желудочныя болѣзни и малокровіе. Огромное количество жень-шеня идетъ изъ Кореи въ Китай. Дикій жень-шень весь отбирается въ казну и считается монополіей корейскаго императора. Но такъ какъ вороватые корейскіе чиновники сильно обижаютъ при покупкѣ корня искателей жень-шеня,

то тѣ предпочитаютъ перепродавать тайкомъ свои находки китайскимъ купцамъ, хотя имъ за это и угрожаетъ смертная казнь. Дикій жень-шень идетъ въ употребленіе просто сушеный; жень-шень воздѣланный выпаривается предварительно въ котлахъ до краснаго цвѣта и затѣмъ уже сушится, укладывается въ корзинки и поступаетъ въ продажу послѣ осмотра и пломбировки чиновниками, взимающими съ женьшеня большой акцизъ (плату) въ пользу императора.

Замѣчательно, что въ Корей нѣтъ совсѣмъ чайнаго куста и почти неизвѣстно употребленіе чаю, хотя климатъ Кореи благопріятствуетъ разведенію этого растенія.

Изъ плодовъ извѣстны въ Корей груши, яблоки, сливы, персики, абрикосы, фисташки, орѣхи и довольно хорошій виноградъ, хотя въ общемъ всѣ корейскіе плоды неважны, водянисты и лишены запаха, какъ вообще плоды странъ съ влажнымъ, жаркимъ климатомъ. Лучшій корейскій плодъ, это—„каки“; онъ похожъ на золотистое мягкое яблоко въ толстой кожистой оболочкѣ. Мякоть, которую высасываютъ или ѣдятъ ложкой, очень вкусна и сладка. Плодъ этотъ пробовали разводить въ Европѣ и, кажется, онъ дозрѣвалъ въ Италіи и въ Закавказьѣ. Корейскій како лучше японскаго. Сокомъ како смазываютъ корейцы и японцы оберточную бумагу для мяса, рыбы, плодовъ, утверждая, что сокъ этотъ предохраняетъ продукты отъ порчи.

Садовыхъ цвѣтовъ я мало видѣлъ въ Корей, и всѣ лучшіе, какіе я замѣтилъ, были выращены изъ японскихъ сѣмянъ.

Вообще растительность Кореи, дикая и воздѣлан-

ная, представляет смѣсь маньчжурскихъ, китайскихъ и японскихъ растений, и это происходитъ отъ понятныхъ причинъ. Вѣтры, морскія теченія, люди приносили туда всевозможныя сѣмена изъ этихъ сосѣднихъ странъ, а лѣса и луга медленно двигались съ сѣвера изъ континента на югъ къ Японскимъ островамъ по Корей точно по мосту.

IV. Начало моего путешествія.

Изъ Японіи я на прекрасномъ японскомъ пароходѣ „Кобе—Мару“ обогнулъ съ востока полуостровъ Кореи, побывалъ на сѣверѣ на русскихъ китоловныхъ промыслахъ барона Кайзерлинга у острова Шимпо и затѣмъ вернулся въ Гензанъ—большой торговый корейскій портъ. Отсюда я рѣшилъ верхомъ проѣхать въ Сеулъ, столицу Кореи. Такимъ образомъ я прорѣзалъ бы полуостровъ поперекъ.

Такъ я и сдѣлалъ. Я уложилъ мои вещи въ удобо-провозимые на спинѣ лошадей вьюки и сталъ искать ямщика и переводчика.

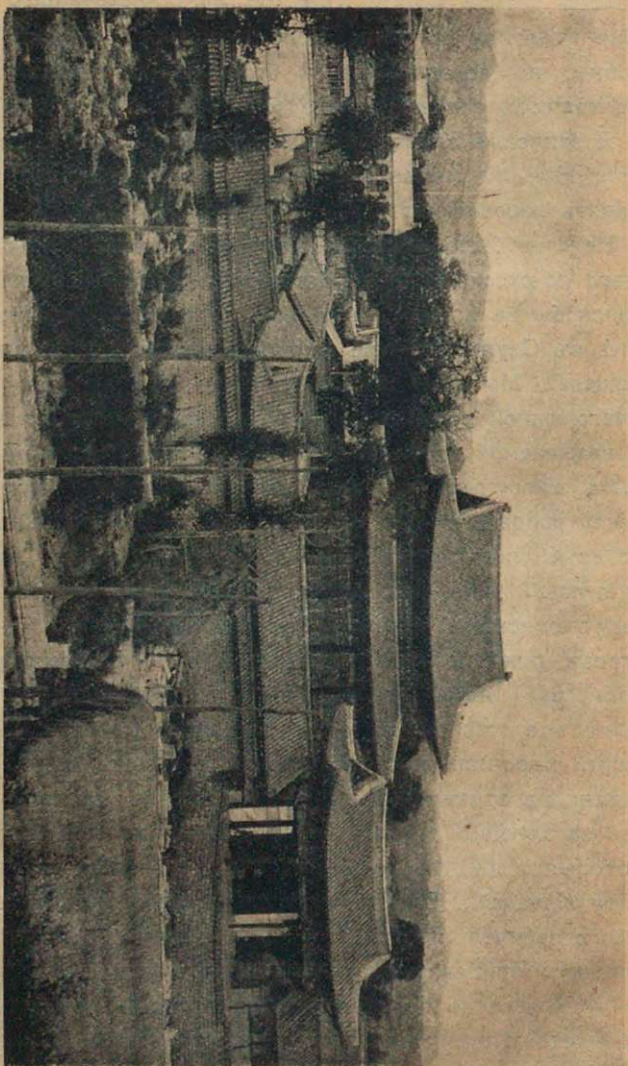
— Запишите себѣ въ книжечку нужные слова, запишите на всякій случай! настаивали друзья, путешествуя меня всякими совѣтами.—*Мумле* по-корейски—не понимаю, *исо*—есть, *обса*—нѣтъ, *чосо*—хорошо, *нали-нали*—скорѣе, *ка*—прочь, *напо*—скверно, *камаесо*—подожди, *тоны*—деньги, *сули*—водка, *мури*—вода, *пури*—огонь, *кера*—яйцо, *соо*—воль, *могаре*—ѣсть, *чансо*—пить, *сенинѳя*—спички... Но прежде всего—ругайтесь, ругайтесь и затѣмъ говорите на

какомъ хотите языкѣ!.. Поймутъ васъ обязательно!.. Они къ этому приучены. Вообще корейцы очень способны, но догадливость и особенно дѣятельность проявляютъ только послѣ чувствительной встряски!..

Я записалъ слова, постарался запомнить совѣты, но... тѣмъ не менѣе рѣшилъ во что бы то ни стало нанять переводчика.

Нелегко было найти въ Гензанѣ туземца, знающаго по-русски или по-англійски, который согласился бы за 2 рубля поденной платы сопутствовать мнѣ въ Сеулъ. Но еще труднѣе оказалось отыскать лошадей. Мы даже не подозрѣвали, что въ такой многолюдной корейской деревнѣ, живущей извозомъ и называемой городомъ, можетъ не оказаться въючныхъ животныхъ. Я соглашался подъ конецъ даже взять воловъ, но все исчезло. Зато явились японцы, которые словно тѣни ходили за мной. Только на слѣдующій день, благодаря необыкновенно энергичнымъ поискамъ агента „Добровольнаго флота“ и угрозѣ пожаловаться мѣстному кам-ни (портовому комиссару), намъ удалось вызвать „изъ небытія“ опять все того же оса-бана, дорожнаго маклера, который морочилъ насъ все время лживыми обѣщаніями. На этотъ разъ онъ торжественно поклялся, что за хорошія деньги онъ добудетъ намъ лошадей, которыя... дойдутъ до Сеула. Но не больше, какъ пару лошадей... Впрочемъ, тон-са (переводчикъ) тутъ же согласился пройти весь путь пѣшкомъ за небольшую прибавку къ положенному жалованью.

— Ничего не подѣлаешь!.. Рѣшайтесь: ѣдете или не ѣдете? Подрядчики и извозчики во всей Корее составляютъ одну шайку. Одинъ другому ни за что

Сеулъ. Видъ на старый дворецъ.

не помѣшаетъ. Къ тому же, мнѣ кажется, что здѣсь какъ будто мутить кто-то третій... Дѣло, по моему, нужно рѣшать сейчасъ,—братъ, что даютъ, а то черезъ часъ подуетъ другой вѣтеръ, а тогда и этого не получимъ... Не помогутъ ни задатки, ни договоры, которыхъ вообще корейцы не знаютъ и не соблюдаютъ. Въ своей поѣздкѣ вы можете быть увѣрены только тогда, когда вы сядете на лошадь... Совѣтую вамъ все-таки и плетку и револьверъ держать подъ рукой. Корейцы повинуются только силѣ... поучаль меня мой любезный хозяинъ.

Конечно, я не соглашался съ нимъ, зато я немедленно согласился на всѣ предложенныя мнѣ корейцами условія и приказалъ на слѣдующій день привести лошадей на разсвѣтъ.

Въ назначенный часъ я былъ совершенно готовъ къ путешествію. Но пробило шесть, семь... девять, а лошадей все нѣтъ и нѣтъ... Мы посылали къ оса-баню гонца за гонцомъ, но все тщетно: посланные пропадали безслѣдно и безрезультатно. Обезпокоенные, мы отправились лично въ корейскій кварталъ.

— Чуетъ сердце мое работу японцевъ. Навѣрно телеграфировали въ Токио съ запросомъ, какъ имъ поступить въ этомъ случаѣ, и ждутъ теперь отвѣта. Въ сущности они здѣсь правители. Городомъ заведуетъ не кам-ни, а вотъ кто... проворчалъ мой хозяинъ-агентъ и указалъ рукой на хорошенькій домикъ японскаго консульства, мимо котораго мы проходили.—Власть ихъ я тутъ чувствую на каждомъ шагу. Повѣрите ли, что когда однажды они воспретили корейцамъ грузить на наши суда скотъ

въ сосѣдней гавани, то ни одинъ рабочій не осмѣлился нарушить приказанія, и мы не нашли людей, закончилъ онъ сердито.

Я пришелъ въ уныніе, я думалъ, что мнѣ не удастся поѣздка. Къ большому нашему удивленію, мы на полпути встрѣтили всѣхъ нашихъ служителей, переводчика и ямщика съ двумя лошадьми.

— Ты почему такъ запоздалъ?... Сказано было съ разсвѣтомъ! напустился на послѣдняго агентъ.

— Лошади что-то долго ѣли... Въ дорогу должны были хорошо поѣсть... Затѣмъ пришелъ слуга, мы говорили... Затѣмъ пришелъ второй слуга... Стали ругаться... И такъ время прошло...

— Такой онъ нашъ ма-пху (ямщикъ)! Лѣнивъ отъ рожденія! Я знаю его съ дѣтства... Ничего не подѣлаешь... Такъ случилось, пробовалъ меня утѣшать тонъ-са.

Я дѣйствительно повеселѣлъ; разсмѣшило меня это характерное корейское объясненіе. Ихъ отвѣты всегда заключаютъ въ себѣ какое-нибудь чрезвычайно простое положеніе, неопровержимое и забавное.

— Какъ ты смѣлъ уснуть вчера, когда тебѣ приказано было меня дожидаться! выговариваетъ слугѣ хозяинъ.

— Очень мнѣ спать захотѣлось, баринъ! отвѣчаетъ тотъ тономъ, вполнѣ рассчитывающимъ на всеобщее сочувствіе.

— Вчера разбойники пробрались въ домъ къ богатому корейцу; тотъ сталъ кричать, сбѣжались сосѣди, пришла полиція, но ничего подѣлать не могла. У разбойниковъ оказались револьверы, и они могли кого-нибудь убить... Оставили ихъ... Вѣдь всякому

жизнь милѣе денегъ... рассказывалъ мнѣ совершенно серьезно присяжный гензанскій переводчикъ, ученикъ русской школы въ Сеулѣ.

Я думалъ, что теперь мы немедленно отправимся въ путь. Не тутъ-то было! „Лѣнивый отъ рожденія“ ма-пху и не думалъ торопиться. Оказалось, что у него нѣтъ верхового сѣдла. Онъ прехладнокровно привязалъ лошадей къ рѣшеткѣ сада и отправился въ городъ отыскивать его... Слава Богу, что оставилъ хотя нѣкоторый залогъ! Между тѣмъ нанятый уже тон-са значительно похаживалъ кругомъ меня. Наконецъ онъ пробормоталъ, что онъ сожалѣетъ, что не можетъ отправиться со мною, такъ какъ... его отецъ неожиданно заболѣлъ. Обстоятельство это крайне насъ удивило, но поводъ былъ непреодолимый. Поклоненіе предкамъ и горячая сыновняя любовь имѣетъ въ Корей значеніе религіозной заповѣди. Даже мой вспыльчивый хозяинъ въ первое время угрюмо замолчалъ.

— Вотъ мошенники!.. Вотъ негодяи! вспыхнулъ онъ наконецъ, удалясь къ себѣ въ комнату.

Тон-са продолжалъ стоять на верандѣ и внимательно наблюдать за мною. Я заподозрѣлъ по его виду какую-то новую „восточную“ игру и, сдерживая огорченіе, проговорилъ совершенно спокойно:

— Ну, что жъ, поѣду безъ переводчика... Гдѣ же ма-пху?

Присутствующие, въ томъ числѣ и тон-са, побѣжали отыскивать ма-пху. Но скоро тонъ-са вернулся въ сообществѣ красиваго, стройнаго корейца.

— Сэръ, сказалъ мнѣ тон-са учтиво по-англійски.—Путь вашъ трудный и далекій, нехорошо вамъ

будетъ безъ тон-са. Этотъ человѣкъ говорить по-англійски лучше, чѣмъ я...

— И требуетъ большаго вознагражденія, окончилъ я.

— Ничуть. Онъ согласенъ пойти за ту же плату.

Я быстро и подозрительно взглянулъ на незнакомца; мой хозяинъ тоже вышелъ опять на крыльцо. Лѣвый усъ новаго переводчика чуть-чуть дрогнулъ подъ нашими испытующими взглядами, хотя вообще онъ держалъ себя весьма прилично. Его открытое, смѣлое лицо и ловкія солдатскія движенія понравились мнѣ.

— Я былъ раньше лодочникомъ у англійскаго агента. Теперь, послѣ его отъѣзда, я остался безъ работы, сказалъ онъ намъ довольно внятно по-англійски.

— Какъ ваша фамилія? Есть ли у васъ жена, дѣти, домъ и гдѣ они находятся? быстро допрашивалъ его мой хозяинъ.

— Фамилія моя - Им-чаагири. Я женатъ, и у меня есть трое дѣтей. Живутъ они здѣсь въ Гензанѣ.

Онъ назвалъ улицу и домъ. Все это было немедленно записано въ составленное наскоро по-корейски условіе. Не понравилось мнѣ, что Им-чаагири отвертѣлся отъ подписи этого условія. Тѣмъ не менѣе я рѣшилъ его взять, такъ какъ сообразилъ, что разъ японцы или корейцы захотятъ устроить мнѣ западню, то они ее во всякомъ случаѣ устроятъ, и что тогда лучше, если будетъ извѣстенъ европейцамъ въ лицо хоть одинъ изъ ихъ соучастниковъ.

Новый тон-са держалъ себя все время спокойно

и солидно. Спустя только нѣкоторое время онъ попросилъ у меня три доллара задатка.

Траурное платье.

— Столько отступного мнѣ необходимо уплатить прежнему тон-са! оправдывался онъ.

— Отступного?! Кто кому долженъ платить отступное? Что же его больной отецъ?

— Онъ уже поправился, отвѣтилъ съ легкою усмѣшкою кореецъ.

Немного спустя мы замѣтили, что нашъ ма-пху стоитъ опять, прехладнокровно навалившись на садовую рѣшетку, и ничего не дѣлаетъ. Конечно, онъ не нашелъ сѣдла; впрочемъ, онъ не выказывалъ ни малѣйшаго смущенія по этому поводу. Дѣло въ томъ, что онъ тоже былъ въ траурѣ по родителямъ, носилъ небѣленное рубище и бамбуковую шляпу—огромную, низко опускающуюся на спину и лицо корзину. Въ сердцѣ его, видимо, царила одна печаль и полное равнодушіе ко всѣмъ нашимъ требованіямъ. Въ Корей положительно можно возненавидѣть родственныя чувства!

Я осмотрѣлъ предложенное имъ мнѣ для верховой ѣзды *вьючное* сѣдло. Это было топорное сооруженіе изъ двухъ толстыхъ досокъ, соединенныхъ двумя крѣпкими дугами. Выбора не предстояло, и я приказалъ наскоро подвязать къ нимъ ивовыя стремяна и покрыть спинку войлокомъ. Когда я затѣмъ взобрался на лошадь, мнѣ показалось, что я сажу верхомъ на крутомъ гребнѣ большой горы. Согласно своимъ обычаямъ, корейцы только въ самый послѣдній моментъ сказали мнѣ, что я долженъ застать между прочимъ латунною мелкою монетою.

— Въ Гензанскомъ округѣ не берутъ никкелей... Никкель пойдетъ за переваломъ, поучалъ насъ Имчаагири.

Ма-пху тоже потребовалъ уплаты половины заработка мѣдью. У него былъ въ этомъ какой-то свой расчетъ.

Корейскіе денежные знаки постоянно мѣнялись и

всегда ярко отражали господствующія на полуостровѣ вліянія, японскія или китайскія.

Корейцы хвастаются очень древнимъ и самостоятельнымъ изобрѣтеніемъ металлической монеты, но китайцы, которые не выносятъ, чтобы что-либо было изобрѣтено помимо нихъ, утверждаютъ, что металлическія деньги появились въ Корей только въ XIII столѣтіи нашей эры и что деньги эти, конечно, были китайскія. До того обращались въ Корей деньги бумажныя, вѣрнѣе—картонныя, въ видѣ стрѣлы.

Современная корейская монета представляетъ подражаніе японской. Серебряный корейскій долларъ равенъ серебряному японскому *іену* и совершенно на него похожъ. *Іенъ* равенъ русскому рублю и раздѣляется на *сены*, равныя копейкѣ. Серебряный корейскій *янъ* равенъ 20 сенамъ, т. е. русскому двугривенному; кромѣ того есть корейская никкелевая монета въ 10 и 5 копеекъ, и въ то же время обращаются повсемѣстно китайскіе латунные чжіоны стариннаго образца. Они и есть самая мелкая корейская монета.

На 20 рублей тон-са принесъ мнѣ цѣлую охапку этихъ яновъ и чжіоновъ. Тамъ оказалось болѣе 10.000 похожихъ на пуговицы латунныхъ монетъ, въ сложности вѣсомъ почти до 1½ пуда. Половину предстояло намъ взять съ собою въ дорогу, половину я съ удовольствіемъ отдалъ нашему ма-пху. И онъ остался этимъ тоже очень доволенъ, такъ какъ при перепродажѣ денегъ надѣялся выгадать по нѣскольку копеекъ на рубль. Онъ немедленно нагрузилъ свою мошну себѣ на спину, и мы наконецъ двинулись въ путь. Мнѣ повезло: во время

переезда черезъ корейскій Гензанъ мы встрѣтили купца, отправляющагося съ расчетомъ къ своему патрону. Впереди него двигался цѣлый рядъ охающихъ носильщиковъ съ грузомъ *пхунъ* въ *тридцать рублей* каждый. *Сто* рублей этой монеты представляютъ кладъ на одну лошадь, т. е. вѣситъ 8—10 пудовъ.

Таково китайское изобрѣтеніе! Оно очень неудобно для воровъ и путешественниковъ. Воры избѣгаютъ его, похищая исключительно цѣнные предметы и серебро; для удобства же путешественниковъ корейскіе трактирщики и содержатели постоянныхъ дворовъ придумали исходъ необыкновенно остроумный. Всякій путникъ, уплатившій *въ началѣ* пути трактирщику, гдѣ онъ остановился, извѣстную сумму денегъ, получаетъ отъ него квитанцію, которая вполнѣ замѣняетъ ему деньги. Послѣдующіе трактирщики только отмѣчаютъ на ней слѣдующее имъ съ путешественника вознагражденіе за квартиру, столъ или выданную на руки мелочь. Послѣдній трактирщикъ выплачиваетъ путнику лишекъ и удерживаетъ у себя квитанцію. Понятно, что все это возможно только благодаря великолѣпной и однородной во всей странѣ организаціи цеха трактирщиковъ.

Я не воспользовался этимъ облегченіемъ, такъ какъ и не зналъ еще, куда заброситъ меня судьба, и не желалъ стѣснять себя въ выборѣ остановокъ и мѣста ночлега; я не вѣрилъ къ тому же, чтобы дѣйствительно во всякой деревушкѣ существовали такіе трактирщики банкиры. Впослѣдствіи я убѣдился, что это дѣйствительно такъ, но для сношеній съ ними нуженъ или очень испытанный пере-

водчикъ или знаніе корейской грамоты. Я, впрочемъ, жалѣлъ, что не довѣрился моему тон-са, такъ какъ это спасло бы меня отъ поддѣльной монеты, которой въ Корей множество и которой при размѣнѣ денегъ мнѣ всунули почти половину.

V. Животный міръ Кореи. Тигры.

Двигаясь все на западъ отъ морского берега по горной, живописной странѣ, мы черезъ нѣсколько дней достигли перевала Алмазныхъ горъ.

Сѣдловина перевала представляла широкой, округлый горбъ, одинаково круто спускавшійся въ обѣ стороны. Глинистую его почву обильно покрывала крѣпкая, высокая и жесткая горная трава. Она уныло шумѣла и колыхалась въ порывахъ вѣтра. Находились мы, полагаю, на высотѣ 5.000 фут. надъ уровнемъ моря, и холодъ сильно давалъ себя чувствовать. Кругомъ поднимались голыя, безплодныя вершины. Онѣ закрывали горизонтъ некрасивымъ, тяжелымъ кольцомъ, лишеннымъ всякой живописности. Спускъ нашъ происходилъ въ значительно болѣе удобныхъ условіяхъ, чѣмъ подъемъ, такъ какъ мы воспользовались для него торной, гладкой дорогой. Впрочемъ, здѣсь не было другого спуска. Сейчасъ за хребтомъ дорога проходила сквозь проломъ въ толстой древней стѣнѣ, бѣгущей по откосу и гребнямъ горъ поперекъ долины на подобіе Великой китайской стѣны. Вдали бѣлѣли строенія, цѣ-

лый рядъ домовъ, раскрашенныхъ и накрытыхъ рогатыми кровлями.

— Что это?

— Это... Пель-чангъ.

— Храмъ?

— Нѣтъ!

— Крѣпость?

— Нѣтъ.

— Такъ что же это такое?

— Тутъ жили чиновники... отвѣтилъ послѣ нѣ котораго раздумья тон-са. Но его англійскихъ познаній уже не хватило для разъясненій, какіе это были чиновники и что они здѣсь дѣлали. Отъ Пельчанга, двигаясь все внизъ, мы достигли маленькаго ручейка, струящагося уже въ западный бассейнъ. Мы миновали убогую, маленькую деревушку безъ полей, безъ хлѣбныхъ скирдъ, окруженную исключительно грядами салата и рѣдьки. Затѣмъ мы вступили въ обширную долину, сплошь поросшую высокой травой.

Вечерѣло. Солнце на мигъ до заката появилось въ выходѣ долины и осѣнило мрачнымъ мѣднымъ заревомъ волнующіяся, безконечныя желтыя травы да сѣрый полукругъ горъ, окружавшихъ долину. Самъ выходъ утопалъ въ то время въ синей мглѣ и сіяніи вечерней зари.

Мы остановились на ночевку въ плохонькой горной деревушкѣ, окруженной облаками сѣдого дыма, такъ какъ жители уже стряпали свой ужинъ, и всѣ дома поэтому изображали угольные кучи въ разгаръ обжиганія.

Розовый разсвѣтъ озарилъ своимъ нѣжнымъ

сіяньемъ дымчатая горы и залегающую среди нихъ желтую травянистую долину. Утро было очень холодное, но, къ счастью, въ этотъ разъ тихое, согласно прозвищу Кореи. Прижатый къ землѣ тяжелымъ воздухомъ дымъ стлался низко по улицамъ и огородамъ деревни, превратившейся опять, благодаря варкѣ завтрака, въ городъ углеобжигательныхъ кучъ. Дорожные лужи и вода въ канавахъ покрылись толстой корой льда; влажная отъ недавнихъ дождей дорога крѣпко застыла и звенѣла какъ сталь подъ копытами нашихъ лошадей. Я долго шелъ пѣшкомъ, чтобы согрѣться, такъ какъ ни мое тѣло, ни мое платье не были подготовлены къ такому быстрому и сильному паденію температуры. Вдоль дороги по обѣимъ ея сторонамъ поднималась плотная стѣна желтыхъ, высокихъ, твердыхъ какъ тростникъ осокъ съ бѣлыми кистями колосьевъ. Даже рослый тон-са исчезалъ среди нихъ съ головой. Я съ трудомъ могъ осмотрѣть окрестности только съ сѣдла лошади.

Начиная отъ перевала, гдѣ горы образовали мощный узелъ, двѣ гряды зубчатыхъ и корявыхъ вершинъ направлялись къ югу, отклоняясь подъ очень малымъ угломъ. Между ними тянулась узкая лощина въ 10 верстъ, не больше, шириною. Выходъ ея исчезалъ въ дали, затканной сѣдыми облаками и зигзагами блѣдныхъ отъ разстоянія утесовъ. Дно долины отъ высотъ до высотъ все было выстлано густою, кудрявой осенней травой. Бѣлая нить нашей дороги вилась среди нихъ непримѣтно. Мѣстами на плоскихъ увалахъ чернѣли большія одинокія узловатыя и кривыя деревья—питомцы вѣт-

ренныхъ, безлѣсныхъ степей. Подъ ними бѣлѣли кучи жертвенныхъ камней. Если бы не странная форма горъ, мѣстность походила бы на одну изъ безчисленныхъ долинъ Монголіи: та же пустыньность, тотъ же мѣрный шумъ колеблемыхъ вѣтромъ травъ, похожій на тихій шопотъ морской зыби, и гряды горъ по бокамъ.

— Цхо-сей... травянистое поле, — объяснилъ тон-са, замѣтивъ, съ какимъ любопытствомъ я осматриваюсь кругомъ.

— Я не вижу нигдѣ деревень.

— Есть... внизу, но немного...

— Гдѣ это внизу?

— Да, сэръ, внизу... Вы увидите сейчасъ у рѣчки...

— Почему же ихъ мало? Земля, кажется, хорошая...

Кореецъ покачалъ головою.

— Болота, вѣтры, снѣгъ и... тигры, добавилъ онъ, потише. — Здѣсь лѣтомъ иногда по дорогѣ пройти нельзя, если *они* гдѣ-либо заведутся... Приходится далеко кружить горами. Крестьяне изъ деревень не смѣютъ отлучиться даже на пашни, и никто тогда сюда не ходитъ...

Достаточно было бѣглаго взгляда на огромныя заросли шумящихъ осоки, чтобы понять безпомощность человѣка въ борьбѣ съ укрывающимися среди нихъ хищниками. Тигры чрезвычайно легко могутъ пробираться низомъ по узенькимъ коридорчикамъ, пробитымъ ими же среди спутанныхъ травъ, людямъ же почти нѣтъ возможности проникнуть въ эту безконечную и спутанную сѣть злаковъ. Только пожаръ или наводненіе въ состояніи выгнать оттуда

звѣрей. Уберечься отъ ихъ неожиданнаго нападенія трудно даже опытному и вооруженному путешественнику, такъ какъ ихъ желтый полосатый мѣхъ почти неотличимъ отъ желтыхъ стеблей и бурыхъ тѣней заросли. Тигръ умѣло пользуется этимъ обстоятельствомъ, любитъ устраивать засады и нападать невзначай

Дерево съ кучей жертвенныхъ камней.

Тигры водятся во всей Корей, но гнѣздомъ ихъ и убѣжищемъ справедливо считаются сѣверные, пограничные съ Маньчжуріей лѣса. Тамъ они множатся и достигаютъ небывалой величины и силы; оттуда они расходятся затѣмъ по всему полуострову гребнями горъ. А такъ какъ въ этой удивительной странѣ многолюдныя, воздѣланныя и цвѣтущія долины лежатъ нерѣдко бокъ-о-бокъ съ дикими, неприступными и совершенно пустынными горными отрогами, то жестокимъ хищникамъ всевозможныхъ родовъ

есть гдѣ укрываться. Частенько тигры устраиваютъ свои логовища всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ человѣческихъ жилищъ. І. Б. Бишопъ рассказываетъ о леопардѣ, убитомъ въ стѣнахъ Сеула, а также о тиграхъ, похитившихъ взрослого парня и ребенка на окраинѣ Гензана въ день ея пріѣзда туда.

Корейскіе тигры не уступаютъ величиною бенгальскимъ, но превышаютъ ихъ дикостью и дерзостью. Нерѣдки экземпляры, имѣющіе отъ 5-ти до 7-ти фут. длины (безъ хвоста). Ночью они часто врываются въ деревни, уносятъ скоть, собакъ, свиней, набрасываются на спящихъ на крыльцахъ людей, если тѣ забыли развести по сосѣдству огонь или онъ потухъ. Рассказываютъ случаи, когда тигры забирались въ корейскія хижины, взломавши соломенные ихъ кровли. Путешественникъ П. Делоткевичъ описываетъ деревни, гдѣ половину населенія *ночи* тигры. Туземцы страшно боятся тигровъ (по-ми, хо-раи) и поклоняются имъ какъ воплощенію ужасныхъ стихійныхъ силъ; они считаютъ ихъ слугами и конями горныхъ духовъ и избѣгаютъ даже громко называть ихъ. Если путь нашъ пролегалъ по пустырямъ, то ма-пху ни за что не соглашался путешествовать подъ вечеръ и останавливался на ночевку на нѣсколько часовъ до заката солнца; между тѣмъ какъ въ мѣстностяхъ населенныхъ онъ затягивалъ движеніе поздно въ ночь. Онъ приводилъ въ свое оправданіе тысячу неосновательныхъ причинъ, умалчивая о самой главной и неопровержимой — о *тиграхъ*. Впослѣдствіи только я понялъ значеніе всѣхъ этихъ возмущавшихъ меня, въ то время непонятныхъ мнѣ хитростей.

По корейскимъ повѣрьямъ, тигры щадятъ *пьяныхъ*, которыми они брезгаютъ. Такимъ образомъ они являются въ Корей единственными врагами водки. Для борьбы съ особенно зловредными звѣрями правительство организуетъ обязательныя облавы, которыя, впрочемъ, никогда не удаются, такъ какъ устроителей ихъ туземцы не меньше ненавидятъ и боятся, чѣмъ самихъ тигровъ. Облавы эти являются только источникомъ поборовъ и прижимокъ со стороны корейскихъ чиновниковъ. Крестьяне предпочитаютъ сами бороться со звѣрями, устраиваютъ на ихъ тропахъ ловушки, роютъ ямы и ставятъ капканы, предпочитаютъ даже драться самолично съ ними, вооружившись копьями и кремневыми ружьями. Существуетъ даже общество тигровыхъ охотниковъ, многочисленное и пользующееся въ странѣ большимъ уваженіемъ. Это что-то въ родѣ древней полунаслѣдственной касты, объединенной общей организаціей, съ особыми управителями во главѣ, съ собственною казною, съ особыми богами и обычаями. Къ нимъ обращается населеніе въ трудныхъ случаяхъ за помощью, вѣритъ имъ и любитъ ихъ. Эти смѣлые охотники пользуются даже нѣкоторымъ политическимъ вліяніемъ, отличаются храбростью и преданностью родинѣ. Правительство во время войны набираетъ среди нихъ вольныя дружины, и послѣднія не разъ отражали непріятелей. Во время французскаго нашествія въ 1866 году и въ американскую экспедицію въ 1871 году полчища этихъ одѣтыхъ въ звѣриныя шкуры стрѣлковъ поражали европейцевъ своимъ беззавѣтнымъ мужествомъ.

Зима—излюбленное корейцами время для тигровой

охоты. Ради этого небольшая артель охотниковъ выбираетъ день, когда на глубокихъ снѣгахъ образовался настъ (ледяная корка,), достаточно крѣпкій, чтобы удержать человѣка на лыжахъ, но сквозь который проваливается тяжелый хищникъ. Разыскавши тигра, охотники гонятся за нимъ, то заманиваютъ его на глубокіе сугробы, то нападаютъ на него, то уходятъ, пока выбившійся изъ силъ звѣрь не застрянетъ окончательно въ рыхлыхъ снѣгахъ. Тогда подходятъ къ нему вплоть и закалываютъ копьями. Бѣда однако, если тигръ во время преслѣдованія попадетъ на закрѣпшій уже настъ или сугробъ,—тогда онъ мгновенно превращается изъ преслѣдуемаго въ нападающаго, и... плачутъ тогда осиротѣлыя корейскія женщины и дѣти. Недаромъ охотники, отправляясь на тигра, ѣдятъ его сердце, кости и мясо, чтобы приобрѣсти равную съ врагомъ храбрость.

Болѣе распространены въ Корей всякаго рода тигровыя ловушки, хотя лукавый звѣрь туго идетъ въ нихъ. Общеизвѣстна здѣсь китайская ловушка, состоящая изъ высокой городьбы, расположенной двумя замкнутыми кругами, одинъ въ другомъ, такъ что образуется узкій коридорчикъ. Въ центрѣ внутренняго круга помѣщаются поросенокъ или собака, которые своимъ крикомъ должны заманить голоднаго звѣря. Внѣшняя ограда снабжена дверями, открывающимися внутрь. Тигръ, забравшись въ коридорчикъ, бѣгаетъ кругомъ, разыскивая добычу, и всякій разъ своимъ тѣломъ закрываетъ дверцу. Такъ онъ кружится, пока не придутъ охотники и не заколютъ его сквозь щели въ оградѣ.

— Полгода мы охотимся на тигровъ, а другое

полугодіе они охотятся на насъ, повторяютъ наивно корейцы насмѣшливую китайскую про нихъ поговорку.

Я же думаю, что охота корейцевъ продолжается не такъ долго и что вообще въ Корей приволье для всякаго рода хищниковъ. Безопасно путешествовать можно вездѣ въ этой странѣ только въ декабрѣ да январѣ, когда тигры не нападаютъ на людей. Зато весной и особенно въ апрѣлѣ и маѣ, когда тигрицы приносятъ дѣтенышей, начинаются для жителей полуострова тяжелыя времена, особенно въ годы холодные или бѣдные почему-либо дичью. Свои берлоги тигры устраиваютъ по большей части въ разсѣлинахъ скалъ или въ пещерахъ на южныхъ склонахъ горъ, въ укромныхъ мѣстахъ, гдѣ на солнцѣ, въ теплѣ и тиши, могутъ привольно играть ихъ котята. Мѣха корейскихъ и маньчжурскихъ тигровъ много пушистѣе и красивѣе бенгальскихъ и цѣнятся выше. Тигровые когти, зубы, кости, сердце и желчь считаются магическими средствами и покупаются въ большомъ количествѣ китайскими, корейскими и японскими знахарями. Поэтому охота за тиграми хорошо оплачивается и производится туземцами съ все возрастающей успѣшностью, благодаря усовершенствованному оружію, доставляемому имъ теперь китайскими и японскими купцами въ открытыхъ для иностранной торговли городахъ. Эти купцы къ тому же доставляютъ охотникамъ заряды, припасы и все нужное для охоты, получая, конечно, за все хорошія цѣны. Лавки въ этихъ городахъ дѣйствительно полны тигровыхъ шкуръ, и цѣна на нихъ не особенно высока: можно

хорошую купить за 25 долларовъ (корейск.) и недурную—за 15 долларовъ.

Есть тамъ и другіе мѣха: шкуры леопардовъ, медвѣдей, рысей, лисицъ, соболей, куницъ, антилопъ, козуль, оленей, зайцевъ, по большей части невыдѣланные или плохой корейской выдѣлки. Можно въ этихъ лавкахъ купить за хорошія деньги великолѣпные „панты“ (молодые, засушенные вмѣстѣ съ кровью рога оленя), можно купить кабаньи клыки, орлиныя крылья, живыхъ соколовъ, приученныхъ къ охотѣ на фазановъ и перепелокъ; наконецъ можно тамъ купить или заказать самую дичь: утокъ, гусей, фазановъ, рябчиковъ, дикихъ голубей или ихъ цыплятъ или яйца, смотря по времени года и сезону.

Особенно обильный выборъ мѣховъ и дичи я видѣлъ въ лавкахъ Гензана, что объясняется близостью этого города къ сѣвернымъ лѣснымъ звѣринымъ гнѣздовищамъ и сосѣдствомъ малонаселенной юго-восточной Маньчжуріи.

Оттуда, какъ я говорилъ уже, гребнями недоступныхъ горныхъ цѣпей дичь разбредается по всему полуострову, такъ что даже на южныхъ его оконечностяхъ можно встрѣтить среди утесовъ и ущелій не только тигра, леопарда, медвѣдя (коми), кабана, но и слабыхъ, боязливыхъ животныхъ—козероговъ, оленей, козуль, кабаргу и другихъ, помельче, преслѣдуемыхъ человѣкомъ и четвероногими хищниками ради мѣха и мяса. Безъ сѣверныхъ звѣриныхъ убѣжищъ и заводовъ всѣ эти виды давно бы погибли; проживаніе ихъ по всему полуострову обезпечено теперь расположеніемъ дикихъ, пустынныхъ гор-

ныхъ грядъ, расползающихся по Корей точно съть кровеносныхъ сосудовъ. На югъ страны близость человѣка, неустанно воюющаго съ тигромъ, спасаетъ отчасти мирныхъ животныхъ отъ этого главнаго и самаго опаснаго для нихъ врага. По этой же причинѣ маленькія южно-корейскія обезьянки гнѣзятся почти исключительно вблизи человѣческихъ жилищъ.

Несмотря на очень тѣсное сожителство животныхъ Кореи и Маньчжуріи, у первой есть свои особенности и характерныя черты, отсутствующія въ послѣдней. Въ Корей, напримѣръ, нѣтъ и, нужно думать, никогда не было *волковъ*, очень обыкновенныхъ въ восточной Маньчжуріи. Затѣмъ водится въ Корей видъ черныхъ орловъ, которыхъ нигдѣ нѣтъ, кромѣ развѣ острова Іессо, водится разнообразность дрохвы, есть желтоногая и желтоклювая корейская кукушка съ хриплымъ кукованіемъ „кри! кри! кри!“, есть темно-бурый соловей съ сѣрыми ножками, поющій и налету. Среди лисицъ попадаются и темно-бурыя породы, а въ старинныхъ путешествіяхъ остались указанія на аллигаторовъ, хотя въ настоящее время не осталось отъ нихъ ни слѣда, ни воспоминанія. Къ корейскимъ особенностямъ принадлежитъ также небольшое количество и мѣстами совершенное отсутствіе овода, мошкары, комаровъ, слѣпней, отравляющихъ жизнь въ сосѣднихъ лѣсахъ Маньчжуріи и даже мѣстами Японіи. Затѣмъ есть въ Корей пчелы, которыхъ нѣтъ въ Японіи: я видѣлъ тамъ всего два улья въ земледѣльческомъ институтѣ въ Саппоро, между тѣмъ какъ почти въ каждой корейской деревушкѣ встрѣ-

чалъ хотя нѣсколько пчелиныхъ колодъ, а у нѣ-
которыхъ домовъ даже маленькія пасѣки. Слывуть
красотой своихъ красокъ и рѣдкостью видовъ ко-
рейскія бабочки и жуки. Водится ихъ здѣсь боль-
шое множество. Хотя время моего путешествія было
позднее, но въ окрестностяхъ Сеула попадались мнѣ
еще во множествѣ перелетающіе черезъ дорогу боль-
шіе жуки, которые, ударившись о меня или мою
лошадь, падали тутъ же на землю.

Корейскія моря изобилуютъ рыбой; особенно много
здѣсь сельдей и лососей. У восточныхъ, глубокихъ
береговъ пасутся многочисленныя стада китовъ (ко-
рае). Корейцы не пользуются въ достаточной мѣрѣ
своими рыбными богатствами по причинѣ исконнаго
упадка ихъ мореходства и рыболовства, вызваннаго
правительственнымъ запрещеніемъ селиться у бере-
говъ. Ихъ рыболовство теперь только начинается
возрождаться. Конечно, они не въ состояніи сопер-
ничать съ такими отличными рыболовами, какъ
японцы, издавна пріѣзжающими къ корейскимъ бе-
регамъ лѣтомъ для ловли рыбъ, трепанговъ и мор-
ской капусты. До войны два рыболовныхъ обще-
ства,—одно русское, другое японское,—занимались
круглый годъ ловлей китовъ у восточныхъ береговъ
Кореи, подвигаясь зимою съ сѣвера на югъ, лѣ-
томъ—обратно за стаями этихъ млекопитающихъ.
Корейскіе киты принадлежатъ къ мелкимъ видамъ
полосатиковъ, называемыхъ такъ изъ-за мелкихъ
сборокъ, въ которыя складывается ихъ атласно-бѣ-
лый животъ. Болѣе крупные и болѣе рѣдкіе „синіе“
киты, лишенные складокъ на животѣ, представляютъ
болѣе цѣнную и рѣдкую добычу и по величинѣ и

по длинѣ своего уса. Большой полярный китъ никогда не является въ корейскихъ водахъ.

Плаваетъ также здѣсь не мало акулъ разной величины, скатовъ, косатокъ и другихъ хищниковъ; громадныя ихъ стаи производятъ настоящія набѣги, послѣ которыхъ въ данной мѣстности на долгое время исчезаютъ испуганныя рыбы.

Несомнѣнно, что Корею за обиліе, разнообразіе и общераспространенность ея дичи слѣдуетъ считать охотничьей страной, но, конечно, она въ этомъ отношеніи много хуже и бѣднѣе не только Цейлона, но и Маньчжуріи. Крупнаго звѣря трудно отыскать тамъ благодаря обилію щелей, пещеръ, тайниковъ, среди неприступныхъ нерѣдкихъ утесовъ; тигръ, на примѣръ, обязательно исчезаетъ, когда его ищутъ; зато здѣсь много фазановъ, держащихся преимущественно у засѣянныхъ полей, много утокъ и гусей, особенно во время весенняго и осенняго перелетовъ, когда они охотно садятся на только что вспаханныхъ или уже обобранныхъ болотистыхъ рисовыхъ поляхъ. По близости селеній летаетъ много дикихъ голубей, а въ хлѣбахъ прячутся миллионы перепелокъ.

Птицъ корейцы ловятъ въ большомъ количествѣ петлями, ловушками, сѣтями, а также охотятся за ними съ соколами. Ихъ плохо обученные сокола рвутъ обыкновенно добычу, такъ что охотнику приходится постоянно бѣгать за птицей, что очень утомительно. Крупныхъ звѣрей, включая и тигра, корейцы ловятъ преимущественно ямами, покрытыми сверху тонкимъ слоемъ земли и листьевъ.

VI. Внѣшность, языкъ и разселеніе корейскаго народа.

Корейцы въ общемъ красивый народъ; мужчины высокаго роста, стройны, худощавы; женщины, правда, пониже, но тоже стройны и ловки. Волосы у корейцевъ черные, глаза тоже, лицо смуглое, но цвѣтъ его пріятенъ, лишенъ лимонной желтизны китайцевъ или зеленовато-коричневаго оттѣнка, встрѣчающагося нерѣдко на японскихъ лицахъ. Овалъ лица у корейцевъ продолговатый, разрѣзъ глазъ почти прямой и самые глаза довольно большіе, миндалевидные съ пріятнымъ, простодушнымъ и мягкимъ выраженіемъ. Носъ довольно длинный, съ выпуклой переносицей и тонкими раздутыми ноздрями. Среди корейцевъ чаще, чѣмъ среди другихъ жителей Дальняго Востока, встрѣчаются бородатые и усатые люди; и въ этомъ отношеніи они сближаются съ айнами, древними жителями японскаго архипелага. Вообще корейцы ближе подходятъ къ европейскому типу, чѣмъ какой-либо другой народъ этого угла Азіи, исключая бородатыхъ айновъ, совсѣмъ напоминающихъ русскихъ мужиковъ.

Корейцы смыслены, но не торопливы на заключенія, поэтому производятъ впечатлѣніе тиходумовъ. Языкъ ихъ звученъ, въ немъ есть склоненія, спряженія, предлоги и союзы, чѣмъ онъ отличается отъ односложнаго, лишеннаго всякихъ грамматическихъ формъ китайскаго языка и сближается съ японскимъ.

Съ грамотой корейцы знакомы очень давно; въ ихъ исторической лѣтописи Самъ-гукъ-са-гый ска-

зано, что они употребляли письменные знаки для выраженія звуковъ уже 2000 лѣтъ тому назадъ:

Айнъ.

металлическія же подвижныя буквы въ книгопечатаніи введены были въ употребленіи ими 600 лѣтъ тому назадъ, много раньше чѣмъ въ Европѣ.

Грамотность, кажется, пришла въ Корею изъ Ки-

тая,—занесли ее на полуостровъ китайскіе бѣглецы-переселенцы, а затѣмъ буддійскіе монахи-миссіонеры. Они принесли съ собою священныя книги, напечатанныя китайскими буквами и повліяли главнымъ образомъ на измѣненіе природнаго, древняго корейскаго звуковаго алфавита и замѣну его китайскими іероглифами. Произошло это въ VI столѣтіи по Р. Х. Съ тѣхъ поръ въ литературѣ водворился китайскій языкъ, на немъ писались научныя сочиненія, на немъ печатались законы и правительственныя постановленія; онъ игралъ въ Корей ту же роль, что латинскій языкъ въ средніе вѣка въ Европѣ. Корейскій языкъ употреблялся только въ романахъ, повѣстяхъ и пѣсенникахъ. Но такъ какъ корейскій языкъ знаетъ склоненія и спряженія, чего не знаетъ языкъ китайскій, то къ китайскимъ іероглифамъ, выражающимъ всегда одинъ звукъ и одно понятіе, пришлось добавлять знаки, выражающіе измѣненіе окончанія. Эти знаки, нужные только корейцамъ и неизвѣстные совершенно китайцамъ, назывались „и-до“ и приписывались съ боку китайскихъ іероглифовъ, что позволяетъ сразу отличить книгу корейскую отъ китайской. Точно также поступаютъ японцы, которые тоже употребляютъ въ печати китайскіе іероглифы. Поясню это примѣромъ: китаецъ говоритъ: *рубить топоръ*, для обозначенія чего употребляетъ іероглифъ „рубить“ и рядомъ іероглифъ „топоръ“ и только. Кореецъ же говоритъ: *рубить топоромъ*, поэтому пишетъ китайскій іероглифъ „рубить“, затѣмъ іероглифъ „топоръ“ и рядомъ корейскій знакъ, соотвѣтствующій нашей частицѣ „омъ“; и такъ каждый падежъ, союзъ,

спряженія глаголовъ имѣютъ свои знаки. Пишутъ корейцы такъ же, какъ и китайцы, сверху внизъ, и книгу начинаютъ съ конца.

Кромѣ китайскихъ іероглифовъ и прибавочныхъ знаковъ „и-до“, корейцы употребляютъ съ половины XV столѣтія собственный, звуковой алфавитъ „о-мунъ“, который совершенно отвѣчаетъ нашимъ буквамъ, только, конечно, формы ихъ другія: онѣ обозначаются черточками, точками и кружечками. Такихъ буквъ у корейцевъ 44. Этотъ алфавитъ сталъ входить въ употребленіе только въ послѣднее время; раньше серьезныя научныя сочиненія и правительственныя распоряженія не писались на немъ: онъ считался презрѣннымъ, мужицкимъ, достойнымъ только для печатанія повѣстей и пѣсенниковъ, книжекъ простонародныхъ или дѣтскихъ. Теперь, когда образованные корейцы уже не стыдятся говорить на родномъ языкѣ, корейская азбука „о-мунъ“ входитъ мало-по-малу во всеобщее употребленіе и даже правительственные указы печатаются на ней, параллельно съ китайскимъ текстомъ. (Напомню, что этотъ обычай образованныхъ классовъ употреблять иностранный языкъ и пренебрегать роднымъ при- сущъ не только корейцамъ, что въ Россіи долгое время высшее сословіе говорило главнымъ образомъ по-французски, и что раньше появленія Пушкина и Лермонтова книги на русскомъ языкѣ читались мало и неохотно и имъ предпочитались французскія).

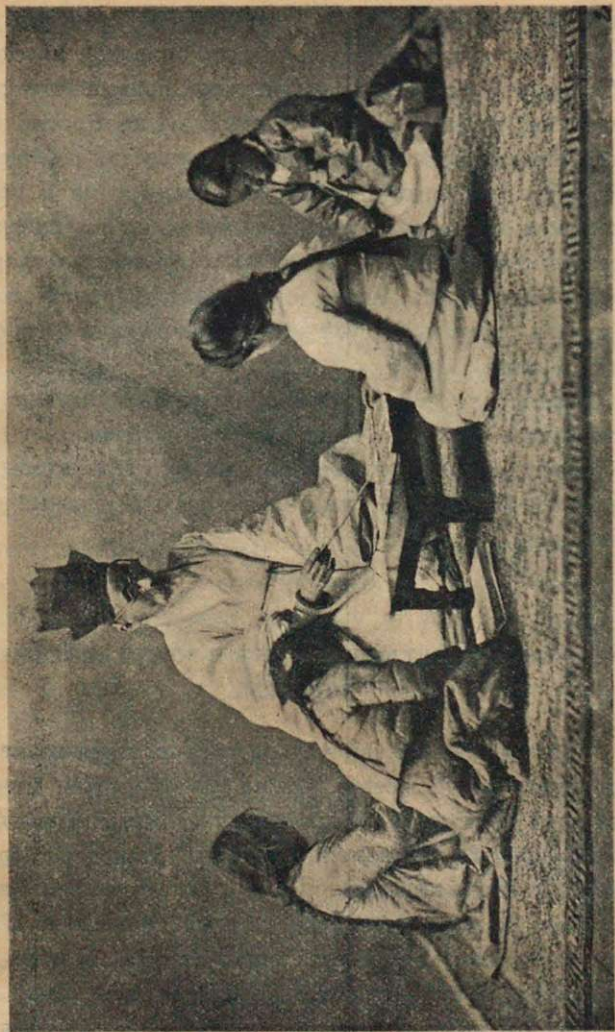
Въ корейскихъ школахъ учатъ до сихъ поръ главнымъ образомъ китайской грамотѣ и только въ нѣсколькихъ городахъ въ послѣднее время открыты школы, гдѣ учатъ и европейскимъ языкамъ, ариеме-

тикѣ, географіи, физикѣ и другимъ наукамъ. Ученіе въ Корей идетъ плохо, школъ мало и онѣ бѣдны, грамотныхъ немного больше, чѣмъ въ Россіи, хотя наука всѣми корейцами очень почитается, книги и все печатное пользуется такимъ уваженіемъ, что считается большимъ грѣхомъ ступить на нихъ ногою, и самымъ почетнымъ званіемъ считается въ Корей титулъ „цза“—мудрецъ.

Благодаря указанному выше распространенію китайской грамотности, корейскій языкъ усвоилъ очень много китайскихъ словъ и оборотовъ, а въ послѣднее время сталъ много вводить словъ японскихъ, болѣе родственныхъ ему по звукамъ и по строенію.

Самая воздѣланная и культурная, это — южная часть полуострова, самая населенная — центральная. Всего считается въ Корей 12.000.000 жителей, мужчинъ и женщинъ. Живутъ корейцы деревнями въ нѣсколько десятковъ дворовъ вмѣстѣ. Рѣдко встрѣчаются деревни въ 100 или больше дворовъ, еще рѣже встрѣчаются города. Во всей странѣ есть только одинъ городъ Сеуль въ 200.000 жителей; другіе города рѣдко достигаютъ 30 — 50 тысячъ жителей. Большіе города всегда по китайскому обычаю окружены высокой стѣной, снабженной башнями и запирающимися на ночь воротами. Но есть много и небольшихъ городовъ, тоже окруженныхъ стѣной въ предосторожность отъ набѣговъ; особенно много такихъ укрѣпленныхъ городовъ въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ морю, гдѣ недавно еще свирѣпствовали морскіе разбойники.

Долины Кореи, особенно въ центральной полосѣ

Корейская школа.

и на югѣ, заселены очень густо, деревни находятся другъ отъ друга часто въ разстояніи одной версты. По густотѣ населенія она мѣстами превышаетъ самыя населенныя страны Европы, и въ Россіи съ ней можетъ сравниться только Полтавская губернія. Но тутъ же рядомъ съ густо населенными и прекрасно воздѣланными долинами находятся совершенно пустынные и невоздѣланныя горы, гдѣ живутъ тигры и разбойники. Въ Корей очень мало хуторовъ-особнячковъ, которыми усѣяна богатая и безопасная Японія.

Корея раздѣлена своимъ правительствомъ на 13 провинцій. Каждая провинція (до) управляется губернаторомъ и раздѣляется на уѣзды (пу), которыхъ во всей Корей 341. Уѣздами завѣдуютъ уѣздные начальники.

VII. Какъ живутъ, что ѣдятъ и во что одѣваются корейцы.

Когда я впервые увидѣлъ корейскую деревню, меня поразило ея убожество. Избы представляли нѣчто въ родѣ полуразрушенныхъ лачугъ, обмазанныхъ глиной, крытыхъ соломой. Дымовыхъ трубъ на крышахъ у нихъ не было, и я сначала думалъ, что это курныя хаты, какія есть еще въ Бѣлороссіи. Познакомившись ближе съ устройствомъ очаговъ, я убѣдился, что ошибся, хотя и не совсѣмъ. Дѣло въ томъ, что дымовые ходы изъ очага кухни, гдѣ варятъ пищу и грѣютъ корейцы воду въ большихъ, обмазанныхъ въ печи котлахъ, направляются подъ полъ

жилыхъ комнатъ, которыя такимъ образомъ нагрѣваются снизу и лѣтомъ и зимою. Такъ какъ глиняные полы часто трескаются отъ жары, то дымъ легко проникаетъ въ жилище и несносно ѣстъ глаза, спираетъ дыханіе... Искры, пламя то и дѣло мелькаютъ въ отверстіяхъ, и озадаченный путешественникъ все ждетъ, когда загорится весь домъ. Но домъ не загорается, въ немъ нечему загорѣться: весь онъ по большей части построенъ изъ глины и камня... Вмѣсто трубы, которая всегда выходитъ сбоку, поставлены другъ на друга старые горшки или деревянное дупло, обмазанное глиной. Вся избушка поставлена на невысокомъ фундаментѣ изъ полевыхъ, нетесанныхъ камней и покрыта сѣрымъ соломеннымъ колпакомъ, обтянутымъ соломенной же сѣтью въ защиту отъ вѣтровъ или просто придавленнымъ съ этой цѣлью камнями; кажется она сказочной „хатой на куриныхъ ножкахъ“. Глядя на дюжихъ корейцевъ, шагающихъ по улицѣ, путешественникъ невольно думаетъ: „какъ только они тамъ помѣщаются?“

Помѣщаются они тамъ только потому, что въ избахъ своихъ корейцы не ходятъ, почти не стоятъ, не двигаются, а или сидятъ на корточкахъ, или лежать. Когда кореецъ стоитъ, онъ головой касается потолка, когда ляжетъ—упирается головою въ одну стѣнку, а пятками въ другую, а ложатся они всегда поперекъ комнаты, такъ какъ ночлежниковъ набивается въ избу обыкновенно много, не меньше пяти человѣкъ, а иногда десять и двѣнадцать на пространство 3-хъ шаговъ въ длину и двухъ въ ширину.

Одно спасеніе, что у каждой избушки есть на

улицу широкая завалинка, защищенная отъ дождя и солнца навѣсомъ удлиненнаго конца крыши. На этой завалинкѣ проводятъ корейцы минуты своего отдыха, тамъ обѣдаютъ, ужинаютъ, а лѣтомъ даже спать—конечно, тамъ, гдѣ нѣтъ тигровъ, такъ какъ эти хищники частенько-таки навѣдываются въ ко-

Домъ богатаго корейца.

рейскія деревни посмотрѣть, не лежитъ ли тамъ что-нибудь плохо, и, если вблизи спящаго человѣка не горитъ костеръ, звѣрь уноситъ его преспокойно въ лѣсъ какъ овцу. Конечно, на этой завалинкѣ-верандѣ возсѣдаютъ и прохлаждаются только мужчины, женщины же согласно корейскимъ обычаямъ, должны прятаться въ кухнѣ и внутри дома. Тамъ къ нимъ никто не смѣетъ проникнуть, исключая мужа, отца

или сына; даже братьевъ туда пускаютъ рѣдко и неохотно. Посторонній же, который попробоваль бы туда пробраться, подвергся бы навѣрно побоямъ. Благодатный корейскій климатъ, продолжительность лѣта, привычка проводить все время и дѣлать всѣ работы на открытомъ воздухѣ—лишаютъ корейца необходимости строить прочныя и обширныя жилища. Большинство населенія живетъ въ лачугахъ, годныхъ самое большее для ночного отдыха. Мебели въ нихъ нѣтъ никакой, на полу лежитъ тонкая цыновка, въ углу виситъ круглая коробка для шляпы, на стѣнѣ красуется длинная лубочная картинка или китайская надпись—стихъ или мудрое изреченіе. Вечеромъ корейцы ставятъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ въ сторонкѣ высокій подсвѣчникъ съ вонючей масляной или керосинной лампочкой. Вотъ и все убранство корейской крестьянской избы. Оконъ въ ней нѣтъ; свѣтъ пробивается днемъ сквозь бумажныя невысокія двери, выходящія прямо на зава-linkу; дверей такихъ иногда двѣ въ одной стѣнѣ; въ противоположной стѣнѣ бываетъ обязательно хотя одна дверь, которая ведетъ во дворъ. Дворы маленькіе, обыкновенно мощеные; на нихъ сбоку помѣщается чуланъ, кладовка, лѣтняя спальня, съ другой стороны подъ навѣсомъ—кухня, всегда ниже уровня жилого дома, чтобы дымъ могъ свободно изъ очага проходить подъ поломъ комнатъ... Въ кухнѣ находятся большіе горшки, полные зернового хлѣба, риса, бобовъ, гороху, квашеной рѣдьки, салата и т. п. Такіе же горшки стоятъ часто и во дворѣ,—они нерѣдко въ ростъ 15-ти лѣтняго парня и больше обхвата въ поперечникѣ. Если крестьянинъ зажиточенъ,

то тутъ же по другую сторону двора помѣщается навѣсъ для скота и печь съ котломъ для варки скоту мѣсива изъ бобовъ, соломы, сорныхъ травъ и т. п. Тутъ же лежатъ хозяйственные орудія: плуги, бороны, возы, мотыги, заступы, грабли и вилы. Въ чуланѣ стоятъ сундуки и—гордость корейскихъ хозяекъ—пузатый шкафъ, окованный желѣзными или латунными бляхами. Въ шкапу платья, украшенія и прочій драгоценный домашній скарбъ. Конечно, есть и у корейцевъ, особенно въ городахъ, дворцы и богатые, хорошо обставленные дома.

Существуетъ въ Сеулѣ даже особый „кварталь богачей“—Та-банъ-коль, состоящій изъ двѣнадцати улицъ, запираемыхъ на концахъ крѣпкими воротами. Во время народныхъ волненій весь кварталъ превращается въ неприступную крѣпость, такъ какъ составляющія его постройки обращены наружу глухими стѣнами, лишенными всякихъ отверстій. Улицы до того узки, что рядомъ едва могутъ пройти три человѣка и съ трудомъ протиснется небольшая тележка. Изъ улицъ узкія ворота ведутъ во дворы, расположенные другъ за другомъ, при чемъ, по китайскимъ обычаямъ, дворы становятся чище и наряднѣе по мѣрѣ удаленія вглубь дома. На внутреннихъ дворахъ разбиты крошечные садики и цвѣтники.

Я воспользовался любезностью одного изъ жителей „Та-банъ-коля“ и осмотрѣлъ его жилище. Первый дворъ оказался застроенъ сараями и амбарами; далѣе поперекъ двора стоялъ невысокій флигель въ корейскомъ стилѣ съ большимъ навѣсомъ вдоль всего фронта. Мы вошли въ это строеніе, гдѣ

находилась „внѣшняя прихожая“, въ которой нѣсколько человѣкъ корейцевъ что-то прилежно писали на полоскахъ бумаги. Прихожая показалась мнѣ грязной и убогой, въ ней воняло дымомъ и старыми цыновками. Слуга взялъ наши визитныя карточки и понесъ ихъ внутрь дома. Вскорѣ насъ пригласили слѣдовать дальше. Мы опять прошли дворъ, опрятно вымощенный и окруженный жилыми корейскими строеніями; сквозь раскрытыя двери одного дома я увидѣлъ внутри важнаго, сѣдобородаго старика въ дворянской шляпѣ, сидящаго неподвижно на цыновкѣ. Комнатка, куда насъ повели вначалѣ, была маленькая свѣтлица, довольно низкая, но украшенная многими художественными бездѣлушками. Въ ея внѣшности я подмѣтилъ нѣчто японское, только менѣе свѣтлое, вслѣдствіе маленькихъ и наглухо запертыхъ оконъ. На стѣнахъ висѣли недурные корейскіе „какемоно“, писанные тушью. Я впервые увидѣлъ старинную неподдѣльную корейскую живопись, и, сознаюсь, она производила довольно художественное впечатлѣніе ¹⁾. У одной изъ стѣнъ стояли полки съ нѣсколькими десятками книгъ въ синихъ китайскихъ переплетахъ. Хозяинъ придвинулъ намъ плоскія подушки и любезно пригласилъ сѣсть; намъ пришлось подождать, пока убирали женщинъ изъ внутреннихъ покоевъ, чтобы мы могли туда пройти. Узкимъ проходомъ, защищеннымъ нѣсколькими выступающими поперекъ дороги простѣнками, мы проникли наконецъ на кухонный дворъ. Большіе котлы, вдѣланные въ очагъ, помѣщались

¹⁾ Хороши также были старинныя картины на шелку, видѣнныя мною въ нѣкоторыхъ храмахъ.

подъ навѣсомъ почти въ уровень земли; по другую сторону кухни стояли рядомъ большіе горшки; такіе же горшки стояли во дворѣ, а рядомъ лежали кучи зеленаго, свѣже-срѣзаннаго салата (пец-цу). Кухня защищена была отъ дождя навѣсомъ, но бока ея были лишены стѣнъ.

Подъ тѣмъ же кухоннымъ навѣсомъ, на высотѣ полуэтажа, возвышалась открытая платформа, служащая очевидно столовой; у стѣны помѣщалась рядами глиняная, фарфоровая и металлическая посуда, ниже—ящики и шкафы, окованные жестью, да низенькіе столы-подносы для обѣдовъ. Отсюда виденъ былъ за перевитой дикимъ виноградомъ стѣнной небольшой садикъ, къ которому вела оригинальная калитка безъ дверецъ, круглая какъ ободъ колеса. По удобнымъ ступенямъ пологой, широкой лѣстницы мы поднялись въ столовую и оттуда повернули на женскую половину, въ небольшія, теплыя, согрѣтыя снизу, комнаты съ паркетомъ, выклееннымъ желтой бумагой. Любезный хозяинъ приказалъ намъ открыть даже спальню, тоже небольшую, опрятную комнатку, гдѣ подъ стѣнами лежала свернутая валикомъ постель. Въ одной изъ этихъ крошечныхъ комнатокъ я замѣтилъ передъ хорошенькимъ зеркальцемъ букетъ цвѣтовъ въ изящной вазочкѣ. Весь домъ производилъ оригинальное впечатлѣніе смѣси китайскаго и японскаго стилей, съ добавленіемъ своеобразнаго вкуса и тонкаго выбора. Особенно понравилась мнѣ приподнятая половина дома, состоящая изъ небольшихъ желтыхъ чистенькихъ комнатокъ, полныхъ художественныхъ бездѣлушекъ, чуть освѣщенныхъ блѣднымъ свѣтомъ бумаж-

ныхъ оконъ. Я вспомнилъ тѣ странныя постройки, которыя я видывалъ въ японскихъ театрахъ и которыя выдаются японцами за древне-японскія жилища. Сходство поразительное.

Хозяинъ любезно провелъ насъ обратно къ самымъ воротамъ.

Мебели даже у богатыхъ корейцевъ чрезвычайно мало; они не знаютъ совершенно кроватей, спятъ на циновкахъ или толстыхъ ватныхъ матрасахъ и накрываются ватными стеганными одѣялами, а вмѣсто подушекъ употребляютъ деревянные подставки. Днемъ свернутая постель прячется въ стѣнныхъ шкафахъ или убирается въ чуланъ. Столовъ у корейцевъ нѣтъ, ѣду вносятъ слуги на маленькихъ столикахъ подносахъ, которые съ остатками ѣды и посудой убираютъ обратно въ кухню. Столики съ письменными принадлежностями, тоже маленькіе и низенькіе, приспособлены для сидящихъ на корточкахъ писцовъ.

Словомъ, повторяю еще разъ, жилища корейцевъ приспособлены главнымъ образомъ для кратковременнаго въ нихъ пребыванія и для ночного отдыха; ни пройтись, ни расправить членовъ въ нихъ нельзя.

Платье корейцевъ тоже приспособлено къ постоянному пребыванію на открытомъ воздухѣ. Оно состоитъ у мужчинъ, равно какъ и у женщинъ, изъ коротенькой кофточки съ узкими рукавами и широкихъ шароваръ, надѣваемыхъ на голое тѣло. Рубахъ корейцы совершенно не знаютъ. Поверхъ кофточки и шароваръ мужчины надѣваютъ длиннополый халатъ, а женщины сборчатую юбку, затяну-

тую подъ мышками точно русскій сарафанъ. Смотря по времени года и юбокъ и халатовъ бываетъ по нѣскольку паръ, надѣваемыхъ другъ на друга и

Зажиточный крестьянинъ и его слуга въ пути.

сбрасываемыхъ легко, если того требуетъ тепло, занятіе или входъ въ домъ.

Платье простонародья всегда бѣлое, изъ некрашеннаго ситцу или холста. Странное впечатлѣніе производятъ бѣлыя фигуры корейцевъ, пробира-

ющихся гуськомъ вдоль полей, сквозь хлѣба или зеленя заросли. Только шляпы у корейцевъ въ большинствѣ черныя, прозрачно-волосяныя или изъ тоненькихъ бамбуковыхъ волоконъ. Такъ какъ шляпы, покрой рукавовъ и цвѣтъ платья служили у корейцевъ долгое время внѣшними знаками принадлежности къ разнымъ слоямъ общества, то я позволю себѣ подробнѣе описать корейскую шляпу. Она этого стоитъ, такъ какъ своей странной формой сразу обращаетъ на себя вниманіе путешественника. Она представляетъ нѣчто въ родѣ твердой круглой шляпы цилиндра съ большими краями, сдѣланной изъ черной просвѣчивающей кисеи, и подвязывается подъ подбородкомъ широкими черными лентами. Внутри ея виднѣтъ на макушкѣ каждого взрослого корейца пучокъ волосъ, подобранныхъ вверхъ и скрученныхъ въ видѣ шиньона. Въ сущности корейская шляпа (катъ) не что иное, какъ чехоль для этого шиньона, который играетъ важную роль въ обычаяхъ корейцевъ: онъ заплетается и подвязывается такимъ образомъ въ знакъ *женитьбы*; холостые носятъ косу и не могутъ подвязывать на макушкѣ головы шиньонъ. Они, хотя бы имъ было много лѣтъ, считаются малолѣтними дѣтьми и обязаны слушать тѣхъ, кто носитъ шиньонъ, хотя бы эти были ихъ много меньше и моложе.

Для поддержанія прически въ порядкѣ корейцы носятъ почти постоянно на головѣ родъ волосяной прозрачной ермолки съ дырой для шиньона посерединѣ. Даже ночью они не снимаютъ ея. Называется она „манъ-гетъ“ и вмѣстѣ съ шляпой до недавняго времени служила знакомъ независимаго

положенія. Рабы и низшія сословія, какъ мясники, сапожники, актеры, скороходы, не имѣли права носить ни шляпы, ни „мань-гетъ“. Они подвязывали голову платками или просто клали на нее вѣнокъ изъ листьевъ и травъ. Дворяне и высшіе чиновники носили высокую, тоже прозрачную шляпу въ видѣ колпака; наконецъ ученые, учителя и ученики, вообще люди причастные наукѣ—носили прозрачныя рогатыя шляпы съ многими углами, сдѣланныя тоже изъ волоса или тоненькихъ, выкрашенныхъ въ черный цвѣтъ волоконъ бамбука. Женщины повязываютъ голову платкомъ или ходятъ съ непокрытой головой. Но кромѣ того встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ Корей люди въ огромныхъ, корзинообразныхъ соломенныхъ или бамбуковыхъ шляпахъ, закрывающихъ лицо и всю голову вплоть до плечъ. Это—люди въ траурѣ; къ тому же они носятъ обыкновенно платье изъ грубаго желтаго холста, похожаго на рубище. Объ корейскомъ траурѣ я расскажу при похоронныхъ обрядахъ.

Покрой корейскаго платья совершенно напоминаетъ древне-китайское платье со временъ династїи Минь (отъ 1368 по 1644 года), когда вліяніе китайцевъ на Корею было особенно сильное. Раньше корейское платье было разнообразнѣе, но теперь, когда законъ всѣмъ разрѣшаетъ носить какое угодно одѣяніе, корейцы на всемъ полуостровѣ одѣваются довольно одинаково, скромно и просто. Вездѣ преобладаютъ бѣлыя коленкоровыя шаровары, юбки и халаты; болѣе состоятельные надѣваютъ поверхъ черныя безрукавки или черныя халаты съ широкими рукавами (нѣкогда привилегія дворянъ).

Шелковые цвѣтныя платья носятъ только люди очень богатые или сановники. Раньше они совер-

Корейская дѣвушка.

шенно запрещались простымъ людямъ. Только дѣвушки, молодыя женщины и дѣти могли носить цвѣтныя кофты, что удержалось и сейчасъ. Запре-

щеніе правительства, изданное 300 лѣтъ тому назадъ—не носить серебряныхъ и золотыхъ украшеніи,—дотого вошло въ плоть и кровь населенія, что я совсѣмъ ихъ не видѣлъ ни у женщинъ, ни у мужчинъ: ни колецъ, ни серегъ, ни брошекъ, ни пряжекъ... Даже серебряныхъ булавокъ въ волосахъ, такихъ употребительныхъ въ Китаѣ и Японіи, я не видѣлъ въ Корей. Скромность въ одѣваніи необыкновенная; единственная роскошь, которую себѣ разрѣшаютъ корейцы, это—замѣчательная бѣлизна и чистота ихъ платья; корейскія женщины то и дѣло все стираютъ платья свои, своихъ мужей и дѣтей, и длинные ряды ихъ частенько можно встрѣтить на берегу рѣчекъ, гдѣ онѣ ожесточенно бьютъ круглыми валиками кучи мокраго бѣлья... Въ этомъ и состоитъ корейская стирка, но нужно признать, что хотя сами корейцы купаются и моются рѣдко и вообще довольно грязны тѣломъ, платья ихъ относительно чисты, опрятны и содержатся въ цѣлости.

На ногахъ носятъ корейцы лѣтомъ соломенные сандалии, зимою—остроносые китайскіе сапоги на толстой подошвѣ. По-европейски одѣтыхъ корейцевъ я не встрѣчалъ, исключая военныхъ, которые носятъ мундиръ совершенно похожій на японскій.

Дождевые плащи дѣлаютъ корейцы изъ великолѣпной, непромокаемой бумаги коричневаго цвѣта. Крестьяне, подобно японцамъ и китайцамъ, нерѣдко надѣваютъ въ ненастье соломенные плащи, похожіе на большой распущенный снопъ. Свои драгоценныя шляпы корейцы въ дождь покрываютъ особыми конусообразными чехлами изъ тонкой непромокаемой

бумаги. Запасъ такихъ чехловъ всякій бережливый кореецъ носить за поясомъ или въ широкихъ рукавахъ халата, замѣняющихъ корейцамъ карманы. Зонтиковъ и вѣровъ корейцы употребляютъ мало, много меньше, чѣмъ японцы и китайцы. Носовыхъ платковъ совсѣмъ не знаютъ, носъ вытираютъ лоскутками мягкой бумаги, которую тутъ же бросаютъ на землю. Деревенскія дѣти до 10 лѣтъ въ теплую погоду бѣгаютъ голыми, отчего тѣло ихъ загораетъ точно пряникъ.

Корейскіе франты очень любятъ носить очки и подвѣшивать у пояса шелковые, расшитые мѣшочки для табаку, трубочки, а также для другихъ туалетныхъ принадлежностей—маленькаго зеркальца, гребенки, перочиннаго ножика...

Все это я нашелъ въ кисетѣ одного молодого щеголя, который позволилъ мнѣ заглянуть туда; въ благодарность за то я показалъ ему мой фотографическій аппаратъ и мои письменныя принадлежности. Онъ все внимательно осматривалъ и возвращалъ обратно съ вѣжливой улыбкой. Затѣмъ онъ не безъ самодовольства передалъ мнѣ для осмотра свой кисетъ изъ зеленого шелка, расшитый хорошенькими бѣлыми и розовыми узорами. Я вынулъ оттуда маленькое зеркало, черепаховый гребешокъ, костяной ножикъ для приглаживанія бровей и другія туалетныя мелочи. Въ другомъ мѣшочкѣ у него были: табакъ, трубочка и спички...

Осталось рассказать, какъ и чѣмъ питаются корейцы, ради чего я опять обращаюсь къ моей записной книжкѣ.

Всю ночь и все утро лилъ дождь. Въ ожиданіи

перерыва въ ненастьѣ я принялся чертить планъ дома и попросилъ хозяина о разрѣшеніи посѣтить его амбары и кладовки. Подростокъ, сынъ хозяина, съ косою, какъ дѣвушка, на затылкѣ, повелъ меня

Корейская дѣвушка на улицѣ.

прежде всего на маленькій прилегающій къ кухнѣ дворикъ. Тамъ, вдоль окружающей его ивовой изгороди, стоялъ на плоскихъ камняхъ рядъ большихъ горшковъ (ханнари) съ квашеными салатомъ, рѣдкой, рѣпой и крѣпко прокисшимъ мѣсивомъ изъ

муки извѣстнаго сорта бобовъ, изъ которыхъ такимъ образомъ готовятъ корейцы *сою* (камъ-цзанъ или тхо-цзанъ-и). Нѣкоторые горшки были величиною съ мальчика. Въ каждомъ жилищѣ обязательно есть такой дворикъ съ большими горшками, издающими противный сѣно-водородистый запахъ разлагающихся корнеплодовъ и сои. Представляю себѣ, какой запахъ царить зимой въ жилищахъ, когда морозъ заставляетъ внести туда посуду съ бродиломъ! Въ амбарахъ и кухнѣ я нашелъ точно такіе же большіе горшки и глиняные чаны (ан-бакъ), полные очищеннаго сухого риса, проса, гороха, плотно накрытые глиняными крышками. Это—великолѣпный способъ сохранять зерно и вообще пищу отъ плѣсени и порчи въ здѣшнемъ влажномъ и жаркомъ климатѣ. Онъ удобенъ еще тѣмъ, что защищаетъ припасы отъ мышей и крысъ, очень смѣлыхъ и многочисленныхъ въ Корей. Вообще кладовки-горшки всеупотребительны на всемъ Ближнемъ и Дальнемъ Востокѣ. Въ Персіи и на Кавказѣ даже плѣнниковъ, гдѣ нѣтъ тюремъ, содержатъ съ большимъ успѣхомъ въ огромныхъ врытыхъ въ землю горшкахъ изъ-подъ винограднаго сусла.

Зерно потребляютъ корейцы въ видѣ всевозможныхъ кашъ,—муки дѣлаютъ мало; печенаго хлѣба въ деревняхъ совсѣмъ не знаютъ, хотя у нихъ есть его названіе, именно: „ттоги“. Свои противные, клейкіе и приторные пирожки они готовятъ изъ крахмала. Во все путешествіе я видѣлъ только одинъ разъ небольшіе мучные жернова; муку корейцы получаютъ толченіемъ зерна въ тѣхъ же деревянныхъ ступахъ, въ какихъ они обиваютъ крупу. Только въ

Фузанъ я нашелъ мельницу съ бычьимъ приводомъ, кажется, японскую, между тѣмъ какъ въ сосѣднемъ Китаѣ такихъ мельницъ множество. Изъ муки, кромѣ маленькихъ пышекъ, вареныхъ въ пару, приготовляютъ еще корейцы лапшу нѣсколькихъ сортовъ (куксюи, или мѣни); оба упомянутыхъ блюда позаимствованы ими у китайцевъ.

Слабое примѣненіе муки, а также необыкновенная горечь и острота приправъ сильно сближаютъ корейскую стряпню съ японской, хотя въ то же время большинство корейскихъ блюдъ несомнѣнно перенято у китайцевъ. Корейцы, такъ же какъ и китайцы, ѣдятъ почти все удобоваримое, исключая развѣ молока и молочныхъ скоповъ, къ которымъ питаютъ неодолимое отвращеніе. Не ѣдятъ они также кошекъ, лисицъ и лебедей, чѣмъ отличаются отъ китайцевъ, но собачье мясо, такъ же какъ у послѣднихъ, пользуется среди корейцевъ большою популярностью. Разводятъ также корейцы много свиней, куръ, утокъ. Говядина по своей дороговизнѣ доступна только богатымъ. Въ общемъ корейцы ѣдятъ много больше мяса, чѣмъ японцы, зато менѣе рыбы, которая къ тому же у нихъ и сортомъ и приготовленіемъ хуже японской. Корейцы, такъ же какъ японцы, любятъ ѣсть сырую рыбу, политую острымъ, ѣдкимъ соусомъ. Они ѣдятъ не менѣе охотно сырое мясо, жиръ и внутренности, которыхъ японцы даже вареныхъ не выносятъ; они охотно грызутъ и поѣдаютъ мелкія кости и хрящи. Нужно думать, что послѣдніе вкусы остались у нихъ отъ тѣхъ охотничьихъ амурскихъ племенъ, которые вошли въ составъ корейской народности. Но глав-

нымъ образомъ слѣдуетъ считать корейцевъ „потребителями риса“. Они поѣдаютъ его больше, чѣмъ китайцы, и неурожай риса вызываетъ въ Корей голодъ. Ради наглядности опишу одинъ изъ обѣдовъ, какими насъ угощали неизмѣнно на постоянныхъ дворахъ. Послѣ не менѣе получасоваго ожиданія, сопровождаемаго усиленною возней въ кухнѣ, намъ наконецъ подавалъ подростокъ или самъ хозяинъ (отнюдь не женщина) маленькій столикъ-подносъ, по величинѣ и формѣ совсѣмъ похожій на японскій. На подносѣ тѣсно помѣщались фарфоровыя и деревянные чашки и блюда, полныя квашеныхъ огородныхъ овощей,—каждый сортъ порознь,—обильно политыхъ ѣдкимъ соусомъ изъ стручковаго перца; среди нихъ на особыхъ блюдахъ находились тоже квашеный салатъ, кусочекъ соленой рыбы, кучка мелкихъ соленыхъ рачковъ, похожихъ на креветокъ, да какіе-то ракушки и грибочки. Но гвоздемъ cadaго обѣда являлся всегда рисъ, крупный, бѣлый, отличный рисъ, почти сухой, вареный въ пару безъ соли и изрѣдка только окрашенный въ бурый цвѣтъ подмѣсью мелкихъ вкусныхъ бобовъ. На постоянныхъ дворахъ у большой проѣзжей дороги насъ кормили лучше, въ глухихъ деревушкахъ—хуже; тамъ подмѣсь бобовъ къ рису увеличивалась, исчезали креветки и рыба. Въмѣсто ложекъ и вилокъ, которыя я забылъ при укладкѣ вещей, намъ приходилось пускать въ дѣло костяныя или деревянные палочки. Тон са очень ловко схатывалъ ими кусочки ѣды, поклевывая по очереди во всѣхъ блюдахъ, обязательно начиная всегда съ квашеной рѣдьки. Все это онъ заѣдалъ обильно рисомъ, такъ что въ сущности дру-

гія блюда представляли только къ нему приправу. Когда не стало овощей, онъ наливаль въ оставшейся рисъ горячей воды, которой всегда подавали большую чашку, и жадно хлебаль этотъ полужидкій супъ прямо изъ чашки, черезъ край. Ёль онъ

Корейскій обѣдъ.

быстро, торопливо, съ громкимъ причмокиваніемъ; если риса было мало, онъ безъ стѣсненія приказываль его себѣ добавить, что производилось безпрекословно и безвозмездно. Нѣсколько тяжелыхъ вздоховъ съ протяжнымъ иканіемъ заканчивали трапезу и увѣдомляли хозяевъ, что потчемый сытъ и доволенъ. Тогда только слуга собираль посуду и

уносили столикъ-поднось. Такіе обѣды стоили намъ отъ 10-ти до 15-ти коп. съ человѣка, смотря по мѣстности. За ночлегъ и остановки мы ничего не платили; вознагражденіе за нихъ, очевидно, включалось въ плату за „рисъ“, какъ зовутъ въ Корей всякій обѣдъ. То же самое приблизительно ѣлъ и весь рабочій людъ: мужики, носильщики, конюхи, мелкіе торговцы, которыхъ случалось мнѣ видѣть въ пути за ѣдой. Они предпочитаютъ обыкновенно ѣсть на дворѣ, подъ открытымъ навѣсомъ дома, или на столахъ, окруженныхъ скамейками, у дверей постоянныхъ дворовъ.

Сравненіе китайской, корейской и японской пищи еще разъ подтверждаетъ высказанное уже мною мнѣніе, что Корея служила какъ бы передаточною станціей на пути китайскаго вліянія на Японію. Изъ проникающихъ къ нимъ обычаевъ и издѣлій японцы усвоили подходящіе, которые затѣмъ, передѣлавъ, нерѣдко возвращали обратно въ Корею. Отсюда произошло здѣсь во всѣхъ областяхъ жизни такое смѣшеніе и наслоеніе всевозможныхъ остатковъ вліянія и переживаній, что особия корейскія черты утопаютъ въ нихъ совершенно. Разъ въ Сеулѣ я пошелъ въ лучшую корейскую кухмистерскую и потребовалъ „настоящаго, природнаго корейскаго ужина“. Кромѣ неизбѣжнаго риса, кислой рѣдьки, сырой и соленой рѣпы да разныхъ жгуче-горькихъ маринадовъ изъ огородныхъ овощей, грибовъ, рачковъ, морскихъ и лѣсныхъ водорослей, лишайниковъ и насѣкомыхъ, которыхъ я уже успѣлъ отвѣдать въ разныхъ уголкахъ Востока, мнѣ было предложено наконецъ „древне-корейское національное

блюдо“, — такъ по крайней мѣрѣ увѣрялъ меня со-
путствовавшій мнѣ корейскій, не менѣе „древній“
дворянинъ. Блюдо представляло нѣчто въ родѣ слож-
ной окрошки изъ бобовъ, салата, рѣпы, кусочковъ
мяса и птицы, ломтиковъ груши, грецкихъ орѣховъ,
изюма, фисташекъ и мелкихъ блѣдно-зеленыхъ зе-
ренъ дерева „ынъ-хеу“, съ котораго „плодовъ нельзя
рвать лицамъ, посадившимъ его дичокъ“. Блюдо
было подано намъ въ оригинальной посудѣ, похо-
жей на маленькій самоварчикъ, съ наложенною об-
ратно, вогнутостью внизъ крышкой, въ которой и
варились въ пару кипящей постоянно воды выше-
упомянутыя лакомства. Слуга неустанно подбавлялъ
жару въ крошечную трубу прибора. Блюдо оказа-
лось очень недурнымъ на вкусъ, и я отмѣтилъ
было себѣ въ умѣ соображеніе по поводу „истинно-
корейскаго“ вкуса, испорченнаго китайскимъ и япон-
скимъ вліяніемъ. Къ сожалѣнію, нѣсколько мѣся-
цевъ спустя въ Шанхаѣ китаецъ, родомъ изъ Кан-
тона, предложилъ угостить меня „истинно-кантон-
скимъ“ кушаньемъ и заказалъ точъ въ точъ такую
же окрошку, которую подали намъ точъ въ точъ въ
такомъ же самоварчикѣ.

Изысканный корейскій обѣдъ очень похожъ на
китайскій, но менѣе вкусно приготовленъ и менѣе
разнообразенъ. Въ подачѣ блюдъ замѣтно уже влія-
ніе Японіи, такъ какъ начинается онъ не сладостями,
а острыми маринадами, и оканчивается десертомъ
изъ плодовъ, орѣховъ, винограда. Во время обѣда
корейцы, такъ же какъ японцы и китайцы, пьютъ
много рисовой водки — „сули“ (сури), холодной или
подогрѣтой. Горожане потребляютъ въ большомъ

количествѣ пиво японскаго издѣлія, европейскіе и японскіе водки, ликеры и вина. Среди богатыхъ въ большомъ употребленіи шампанское. Чая корейцы не любятъ, пьютъ его мало и рѣдко; сахара въ деревняхъ совсѣмъ не знаютъ; зато очень любятъ корейцы медъ чистый, въ сотахъ, или въ смѣсяхъ: въ пряникахъ изъ орѣховъ съ пшеничною мукой, въ лепешкахъ изъ поджареннаго риса, сладкихъ каштановъ, арбузныхъ сѣмянъ и т. п.

Но все это лакомства. Будничная пища корейцевъ, какъ у большинства земледѣльческихъ народовъ, состоитъ изъ растительныхъ продуктовъ, главнымъ образомъ изъ риса, проса (чумицца) и бобовъ, затѣмъ изъ рѣдьки, рѣпы и салата (пещу).

VIII. Чѣмъ занимаются и что производятъ корейцы.

Раньше въ Корей были сословія, были дворяне и простолюдины, были рабы и люди вольные, были занятія почетныя и презрѣнныя. Съ 1894 года, когда королевскимъ указомъ уничтожены всякія привилегіи, корейскій народъ распадается только на двѣ неравныя части: меньшую—чиновниковъ и большую—плательщиковъ податей. Чиновники собираютъ налоги, пишутъ бумаги, издають законы, управляютъ страной по своему усмотрѣнію и разумѣнію; они не только не платятъ податей, но сами получаютъ изъ казны содержаніе, пользуются многими льготами и въ сущности всесильны въ Корей и дѣлаютъ съ народомъ, что хотятъ. Плательщики

работаютъ и исполняютъ законы, они бѣдны, унижены и угнетены и никогда не увѣрены въ своемъ правѣ и правосудіи.

Корейскій сановникъ. Сзади его почетный вѣеръ, подаренный ему императоромъ.

Крайне жалки въ Корей простолюдины.

Между тѣмъ они симпатичны, скромны, трудо-

любимы, благодущны. Гостепріимство считается у нихъ первой обязанностью; принимаясь за ѣду, кореецъ считаетъ своимъ долгомъ предложить ее всѣмъ присутствующимъ и только послѣ ихъ отказа ѣсть самъ; если прохожій минуетъ обѣдающихъ, они непременно спросятъ его: „кушали ли вы вашу кашу?“ и въ случаѣ отрицательнаго отвѣта немедленно всякаго приглашаютъ къ столу. Даже самые захудалые крестьяне въ глухихъ деревушкахъ отличаются замѣчательной учтивостью и обходительностью въ обращеніи. Конечно, вездѣ есть дурные люди, и въ Корее есть воры, разбойники, насильники, но въ общемъ корейскій простой народъ — много мягче и добрѣе крестьянъ культурныхъ европейскихъ народностей. Его обычаи и нравственный уровень ничуть не ниже высокихъ качествъ китайскихъ и японскихъ крестьянъ; корейцы уступаютъ имъ только въ образованности и общественности, т. е. умѣни устраивать и отстаивать свои общественныя дѣла. Кромѣ знанія имъ не хватаетъ для этого стойкости и смѣлости.

Громадное большинство корейцевъ занимается земледѣліемъ, которое искони въ большомъ у нихъ было почетѣ. Даже дворяне (янъ-бани), которымъ законъ запрещалъ всякій трудъ кромѣ военной и чиновничей службы, могли заниматься по закону земледѣліемъ безъ утраты своего дворянскаго достоинства. Крупныхъ землевладѣльцевъ нѣтъ въ Корее, хозяйства въ ней небольшія, и всякій крестьянинъ по большей части самъ при помощи своего семейства воздѣлываетъ свои нивы. Прилежаніе корейскихъ крестьянъ поразительно. Они бѣдны,

земледѣльческихъ орудій у нихъ мало, рабочаго скота тоже немного, и землю они воздѣлываютъ по большей части въ ручную, заступомъ, большой китайской мотыгой или киркой. Болѣе состоятельные пахутъ свои участки неуклюжей сохой, запряженной волами. Волъ корейскій, — крупный, крѣпкій, — является единственнымъ помощникомъ здѣшняго земледѣльца, такъ какъ лошадей употребляютъ корейцы исключительно для перевозки товаровъ, и то подъ вьюками, да для ѣзды верхомъ.

Вся весна проходитъ у корейскаго крестьянина за вспашкой и разрыхленіемъ полей и огородовъ, на посѣвъ и посадкѣ хлѣбовъ различныхъ разсадъ. Въ половинѣ іюня производится одна изъ самыхъ тяжелыхъ работъ—пересадка риса изъ рисовыхъ питомниковъ на наводненные пашни. Съ восходомъ солнца является въ полѣ семья земледѣльца и весь день работаетъ безъ отдыха подъ палящими лучами солнца или въ жаркомъ, влажномъ точно баня воздухѣ лѣтняго ненастья.

Работаютъ босые и нагіе, стоя выше колѣнъ въ грязи, обкладывая стебельки молодого риса земляной жижицей, смѣшанной съ навозомъ. Посадкой занимаются взрослые, а дѣти и старики таскаютъ разсаду изъ разсадника въ корзинахъ. Къ тому времени другіе хлѣба: пшеница, ячмень, чумицца уже подрастаютъ и необходимо ихъ прополоть, т. е. удалить сорныя травы, необходимо прополоть и окопать также огородные овощи.

А тутъ и хлѣба поспѣваютъ, начинается жатва. Первый дозрѣваетъ ячмень, затѣмъ пшеница, бобы,

чумицца, рисъ... Жнутъ корейцы маленькими серпами, а гаолянъ и болѣе рослые сорта чумицзы косятъ крошечными косами. Хлѣба вяжутъ въ небольшіе снопы и укладываютъ десятками, а затѣмъ сносятъ на спинѣ домой, рѣже свозятъ вьюками на быкахъ, еще рѣже на телѣгахъ. Телѣги корейскія тяжелы, неуклюжи и доступъ имъ на покатыя и возвышенныя поля гористой Кореи затрудненъ. Безчисленные оросительные каналы и вязкія рисовыя поля уступами тѣмъ болѣе затрудняютъ здѣшнему земледѣльцу употребленіе телѣгъ. Поэтому корейцы больше носятъ все на собственныхъ спинахъ. Бѣлыя ихъ фигуры то и дѣло мелькаютъ то среди хлѣбовъ или зеленыхъ огородныхъ грядъ, то движутся по тропинкамъ, согнувшись подъ тяжестью громаднхъ ношъ пшеницы, бобовъ и проч. Осенью идетъ молотьба, производится очистка хлопка отъ зеренъ, начинается косьба тростника и собираніе хвороста на зимнее топливо. Я вспоминаю осеннюю картину корейской деревни, видѣнную мною въ пути.

Дорога шла пустыми полями, хорошо воздѣланными, но испещренными большими грядами валуновъ да одинокихъ скалъ.

Мы съ трудомъ пробирались черезъ нихъ или скучно двигались извилинами въ обходъ. Широкая дорога опять превратилась въ узкую тропу. Солнце быстро закатывалось; потемнѣли стерегущія долину вершины; волнистыя поля внизу подернулись мѣднокраснымъ отливомъ. Земля замѣтно остывала; вѣтеръ совсѣмъ затихъ. Замерли безъ движенія въ заревѣ заката бѣлыя кисти осокъ. Далеко на

бугръ зачернѣлъ силуэтъ нашей вьючной лошади, которую ма-пху отпустилъ впередъ; ближе къ намъ бѣлѣли фигуры запоздалыхъ какъ мы путешественниковъ.

Солнце уже спряталось за утесами, когда мы достигли наконецъ широкой, полной шума и движенія улицы богатаго села Хуонъ, гдѣ мы рѣшили заночевать. Мужики возвращались съ полей, таща въ поводу рослыхъ воловъ, навьюченныхъ плугами и орудіями. У нѣкоторыхъ домовъ отвѣвали свѣжеобмолоченный хлѣбъ, сбрасывая зерно съ мякиной на остроумно устроенную грань двускатной площадки, по одну сторону которой скатывалось зерно, а по другую—шелуха и соръ. Такъ какъ вѣтеръ затихъ, то молодежь поддувала на хлѣбъ большими вѣерами изъ орлиныхъ перьевъ и кожъ. Въ другомъ мѣстѣ парни и дѣвушки весело вращали мельничку-вѣялку, или кидали лопатами горохъ на косыя сортировочныя рѣшета. Вездѣ раздавались веселыя восклицанія, говоръ и смѣхъ. Низко изъ отверстій въ каменныхъ основаніяхъ домовъ буйно струились облака сѣдого дыма, мелькали въ щеляхъ огненные языки пламени и искры; въ красномъ заревѣ широко раскрытыхъ кухонь сновали бѣлыя полуодѣтыя корейки. Изъ конца въ конецъ неслись по деревнѣ рѣзкіе возгласы, торопливый зовъ дѣтей, оповѣщающихъ товарищей о появленіи „янгъ-инъ“ (европейца), котораго потише называли также „янгъ-акнуъ“—заморскимъ дьяволомъ. Утки и гуси важно направлялись рядами къ птичьимъ дворамъ на покой; куры уже спали на шестахъ; собаки, возбужденныя общимъ движеніемъ, бѣгали суетливо по

улицѣ. Великолѣпные корейскіе быки солидно шагали за своими жожаками или отдыхали у воротъ домовъ въ ожиданіи корма, между тѣмъ какъ ихъ хозяева собирались кучками у воротъ или подъ

Корейскія дѣвочки.

навѣсами домовъ съ трубками въ зубахъ и глядѣли съ нескрываемымъ любопытствомъ на нашъ караванъ.

Зимою корейскіе крестьяне занимаются ремеслами; они выдѣлываютъ для себя и на продажу цыновки,

сандалии, деревянную посуду, телѣги, сохи и т. п.; женщины прядутъ хлопокъ и крапиву, замѣняющую здѣсь ленъ, ткутъ холстъ и ситецъ. Есть кромѣ того въ корейскихъ деревняхъ много кустарей, горшечниковъ, кузнецовъ, столяровъ, телѣжниковъ, сапожниковъ и другихъ, которые полностью удовлетворяютъ скромнымъ потребностямъ поселянъ. Они разносятъ свой товаръ на спинѣ по окрестнымъ селамъ, останавливаются тамъ, гдѣ получаютъ большіе заказы, и живутъ, пока не исполняютъ ихъ. Горшечники вездѣ, гдѣ замѣтятъ подходящую для себя глину, копаютъ ямы, устанавливаютъ свои вертящіеся станки и лѣпятъ посуду, въ то время какъ другіе тутъ же ихъ обжигаютъ въ небольшихъ самодѣльных печахъ. Фабрикъ и заводовъ въ Корей до послѣдняго времени не было; теперь только стали ихъ основывать японцы, большіе въ этихъ дѣлахъ мастера. Даже бумагу, фарфоръ и желѣзо выдѣлываютъ корейцы кустарнымъ образомъ. Желѣзо выплавляютъ они въ невысокихъ печахъ съ ручными поддувалами, въ которыя ссыпаютъ руду, смѣшанную съ древеснымъ углемъ. Фарфоръ выдѣлываютъ въ селеніяхъ, лежащихъ поблизости залежей каолина (фарфоровой глины), а бумагу многіе крестьяне дѣлаютъ у себя дома. Для этого они употребляютъ кору бумажнаго дерева, которую развариваютъ въ кашу, кашу эту въ горячемъ состояніи черпаютъ и выливаютъ на рѣшетчатые формы, гдѣ она подсыхаетъ, твердѣетъ и превращается въ листъ. Листы выравниваютъ, поколачивая по нимъ гладкими камнями или деревянными валиками. Для картона листы бумаги склеиваются. Корейская бу-

мага очень хороша, крѣпка и прочна. Есть сорта до того крѣпкіе, что на нихъ точно на холстѣ можно переносить взрослого человѣка. На выдѣлку бумаги, кромѣ лыка бумажнаго дерева и шелковицы, корейцы употребляютъ хлопчато бумажныя и кропивныя тряпки, древесину и даже овсяную солому. Бумага въ большомъ употребленіи въ Корей; изъ нея выдѣлываются многіе предметы: посуда, плащи, двери, окна; толстой бумагой выклеиваютъ корейцы паркетъ въ зажиточныхъ домахъ, на ней они спятъ и нею укрываются; въ большіе листы ея, точно въ мѣшки, заворачиваютъ они грузы риса, идущаго въ разность на продажу, вѣсомъ до 4-хъ пудовъ. Длинные полосы скрученной бумаги служатъ туземцамъ вмѣсто бечевокъ и веревокъ. Нѣкогда подати собирались рисомъ и бумагой; рисомъ да бумагой уплачивалось также въ то время жалованіе корейскимъ чиновникамъ.

Такъ какъ каждый въ Корей старается по возможности производить все самъ для себя и своихъ сосѣдей, то торговля сосредоточивается главнымъ образомъ на мѣстныхъ ярмаркахъ, куда поселяне приносятъ свои произведенія для обмѣна, куда къ тому времени приходятъ и странствующие торговцы, коробейники. Такія ярмарки въ болѣе крупныхъ деревняхъ происходятъ каждую недѣлю. Въ базарные дни корейская деревня полна красокъ, движенія и шума. Съ ранняго утра тропинки, ведущія къ ней, покрываются крестьянами, несущими туда свои товары, главнымъ образомъ куръ въ клѣткахъ, свиной, соломенные башмаки, шляпы, деревянные ложки; въ то же время по большимъ дорогамъ стека-

ются разнощики съ тяжелыми вьюками на спинахъ. Только немногіе изъ нихъ устраиваютъ навѣсы, да и то только тѣ, которые торгуютъ бумагой, шелкомъ въ моткахъ, поясками, пуговицами, шелковыми тканями, зеркальцами, гребешками, расшитыми кисе-

Горожане, идущіе на базаръ.

тами, разноцвѣтными ящиками и прочей деревянной роскошью... Другіе раскладываютъ свои товары на столахъ, а то просто на землѣ на цыновкахъ: тамъ лежатъ толстые куски корейскаго леденца, сласти, ткани, краски мѣстные и привозныя, длинныя маленькія трубочки, японскія папирсы, японскія спички,

табакъ въ папушахъ, горшки, подковы, кольца, сбруя, гвозди, ножи, серпы и проч. На цыновкахъ разсыпаны кучи хлѣба, рису, бобовъ; лежатъ груши, каштаны, земляные орѣхи; стоятъ кувшины съ имбирнымъ пивомъ и рисовой водкой „сули“. Деньги въ Кореѣ малоупотребительны и торгъ производится преимущественно мѣновой: собираются три-четыре торговца со своимъ товаромъ и обмѣниваются своими предметами, уравнивая стоимость небольшой приплатой деньгами, въ виду чего денегъ надо очень немного. Крупныхъ торговцевъ въ Кореѣ мало, и тѣ живутъ главнымъ образомъ въ городахъ. Они занимаются преимущественно оптовой торговлей. Они образуютъ союзы, похожіе на европейскія гильдіи; эти союзы взимаютъ со своихъ членовъ опредѣленные взносы, а зато выдаютъ имъ свидѣтельства на право открывать торговлю гдѣ хотятъ; никто безъ такого свидѣтельства торговать извѣстнымъ товаромъ не можетъ. Для каждого товара нужно пріобрѣтать особое свидѣтельство.

Каждая торговля принадлежитъ особому союзу, который одинъ въ правѣ разрѣшить торговлю вновь принятому члену. Только мелочныя лавочки не оплачиваютъ никакого свидѣтельства, но зато онѣ не въ правѣ держать помногу одного и того же товара. Въ такихъ лавочкахъ есть всего понемножку, начиная отъ риса и кончая иглками и пуговицами. Это устройство очень похоже на устройство торговли въ Европѣ въ средніе вѣка, когда всѣми отраслями ея завѣдывали цехи и гильдіи. Огромное значеніе для корейской торговли имѣетъ до сихъ поръ обширный, великолѣпно устроенный и крѣпко сплоченный союзъ

коробейниковъ (пу-саней). Они разсѣяны по всей странѣ и всюду проникаютъ со своими коробами, набитыми разнообразнымъ товаромъ. Ихъ часто можно встрѣтить по дорогамъ, идущихъ небольшими партіями въ 2—3 человекъ или бредущихъ въ сопровожденіи своихъ женъ и дѣтей. Ихъ легко узнать по шляпамъ хотя и обычной формы, но желтымъ, изъ неокрашенныхъ бамбуковыхъ лучинокъ. Къ тульѣ шляпы они иногда припиливаютъ куски ваты, какъ особый знакъ принадлежности къ союзу коробейниковъ.

Союзъ пользуется большимъ вліяніемъ, ретиво заступаетъ за своихъ членовъ, и никто поэтому не смѣетъ обижать пу-саней; это только позволяетъ имъ безпрепятственно ходить по дорогамъ, полнымъ разбойниковъ, и торговать съ нѣкоторой выгодой въ городахъ, полныхъ корыстолюбивыхъ корейскихъ чиновниковъ. Если коробейники (пу-сани) недовольны властями данной мѣстности, то они перестаютъ посѣщать ее, и жители, лишены необходимыхъ предметовъ, начинаютъ волноваться и заставляютъ властей уступить или исправиться. У пу-саней есть свои особые обычаи, свой особый языкъ, особые таинственные знаки, помощью которыхъ они извѣщаютъ своихъ товарищей о всемъ случившемся, требуютъ ихъ помощи, или предостерегаютъ отъ опасности. Они отличаются смѣлостью и честностью. Есть у нихъ свои свободно избранные начальники, которымъ они безпрекословно повинуются и къ которымъ они обращаются за совѣтомъ, а также со всякими своими дѣлами, тяжбами и несогласіями. Начальники эти часто приговариваютъ ихъ къ тяжелымъ нака-

заніямъ и даже казнятъ смертю, особенно порочныхъ. Коробейники прекрасно знаютъ страну, всѣ ея дороги, проходы и тропинки.

Когда правительство нуждается въ хорошихъ проводникахъ, въ помощи для поимки разбойни-

Маленькій продавецъ сластей.

ковъ или для усмиренія мятежной, оно обращается нерѣдко къ могущественному союзу коробейниковъ. Вотъ какъ описываетъ одинъ американскій путешественникъ свою встрѣчу съ корейскими коробейниками.

„Уже темнѣло, когда мы двинулись въ обратный путь. Чиновникъ туземецъ, пользуясь своей властью надъ пу санями (коробейниками), вызвалъ тридцать членовъ ихъ союза, чтобы освѣщать намъ путь при спускѣ съ горъ. Откуда появились эти люди и какимъ образомъ они были вызваны, я не могъ понять, потому что мы, повидимому, находились въ ненаселенной, дикой горной мѣстности. Явившіеся передъ нами люди были высокіе проворные горцы, и у всѣхъ на головѣ была надѣта ихъ обычная шляпа. Мы спустились въ глубокое ущелье длиннымъ извивающимся шествіемъ. Горы и дорога освѣщались еловыми факелами пу-саней, которые своими пронзительными криками указывали намъ дорогу и ея повороты. Вдругъ мы очутились въ небольшой палаткѣ, находившейся въ самомъ темномъ углу ущелья.

„Здѣсь у горнаго потока, среди костровъ и факеловъ было собрано около двухсотъ пу-саней. По знаку чиновника (корейскаго), они приготовили для насъ въ полночь ужинъ. Чиновникъ разсказалъ мнѣ, что бывшій корейскій посланникъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Минъ-сонъ-икъ, просилъ его прибѣгнуть къ услугамъ пу-саней округа Сонъ-до, для того чтобы показать мнѣ пользу и честность этого общества, и что онъ нарочно выбралъ для этой цѣли мѣстомъ—дикое, горное ущелье и временемъ—полночь“.

Пу-сани (коробейники) слывуть за приверженцевъ старыхъ обычаевъ, за враговъ всякихъ измѣненій. Это понятно: чѣмъ хуже въ странѣ дороги, чѣмъ опаснѣе путешествіе, тѣмъ труднѣе доступъ къ отдаленнымъ долинамъ и деревнямъ, тѣмъ

больше барышъ, выручаемый разносчиками за доставляемый тамъ товаръ. Такъ какъ пу-сани одни не боятся проникать туда, благодаря взаимной поддержкѣ, обезпечивающей ихъ отъ нападенія разбойниковъ и прижимокъ чиновниковъ, то они могутъ продавать свои товары по какой угодно цѣнѣ, и селяне покупаютъ ихъ, потому что изъ другихъ рукъ получить въ этихъ мѣстностяхъ нельзя. По этой же причинѣ пу-сани ненавидятъ японцевъ, которые для своей же выгоды проводятъ въ Корей желѣзныя дороги, устраиваютъ почты и телеграфы, перевозочныя конторы и вообще стараются помимо пу-саней распространять вездѣ свои дешевые и хорошіе товары. Это лишаетъ пу-саней заработка, но выгодно въ то же время покупателямъ, всѣмъ жителямъ полуострова.

Оптовая торговля въ Корей сосредотачивается главнымъ образомъ въ большихъ губернскихъ городахъ и въ доступныхъ для кораблей гаваняхъ морского побережья. Обыкновенно въ большихъ, нарочно построенныхъ и запираемыхъ крѣпкими воротами одноэтажныхъ рядахъ помѣщаются однородныя лавки того же товара: ситцу, зернового хлѣба, цыновокъ, бумаги и т. п.

Ночью ряды запираются и сторожатъ ихъ только ночные сторожа съ деревянными колотушками, нанимаемые сообща купцами. Вообще корейскіе торговцы любятъ селиться кварталами; также поступаютъ и ремесленники, отъ чего образуются тихія улицы сапожниковъ, портныхъ, рѣзчиковъ, то полные гама и лязга, звона наковальней и визжанія пилъ улицы кузнецовъ, мѣдниковъ, столяровъ.

Въ Сеулѣ я часто посѣщаль такіе кварталы. То я садился въ „рикшу" *), которыхъ множество толпилось постоянно передъ нашимъ отелемъ, то пользовался электрическимъ трамваемъ, бѣгущимъ отъ восточныхъ воротъ Сеула къ западнымъ. Но всѣмъ этимъ способамъ передвиженія я пред-

Сеулъ. Городскія ворота.

почиталь пѣшія, одинокія прогулки по городскимъ улицамъ. Тогда я могъ останавливаться передъ интересными выставками лавокъ, заходить туда или

*) Это легонькая двуколесная повозочка, которую безъ труда тащить за оглобли одинъ рабочій. Эти повозочки въ большомъ ходу въ Японіи и вообще по всему Дальнему Востоку.

заглядывать въ тѣсныя, кривыя закоулки старыхъ сеульскихъ кварталовъ. На улицахъ Сеула движеніе довольно оживленно, особенно по утрамъ. Проходятъ вереницы бѣло-одѣтыхъ туземцевъ въ черныхъ шляпахъ-цилиндрахъ, прозрачныхъ сплетенныхъ изъ волосъ или тоненькой бамбучины. Проходятъ простолюдины въ громадныхъ шляпахъ-корзинахъ. Тихо двигаются тяжелыя корейскія арбы, запряженныя волами, мѣрно шагаютъ караваны навьюченныхъ лошадей; крестьяне ближайшихъ деревень ведутъ крупныхъ корейскихъ быковъ, почти исчезающихъ подъ громадными ношами хвороста, дровъ или сѣна. Движеніе большое, хотя оно меньше, чѣмъ въ китайскихъ городахъ; чело-вѣческій говоръ здѣсь робче, звонъ металла, удары молотовъ въ открытыхъ мастерскихъ, трудовая суета — слабѣе, чѣмъ тамъ, а внѣшній видъ толпы много бѣднѣе, грубѣе и хуже, чѣмъ въ Японіи. Бѣлый цвѣтъ платья, отсутствіе богатыхъ выставокъ съ товарами лишаютъ улицы корейскихъ городовъ яркости. Грязныя, закоптѣлыя стѣны домовъ безъ оконъ на улицу, кучи сору и навоза, отсутствіе тротуаровъ, лужи и ручьи помоевъ посерединѣ улицъ, рѣзкій, отвратительный запахъ гніющихъ отбросовъ, овощей, нечистотъ, собачьей кошачьей и птичьей падали, выброшенной изъ жилищъ тутъ же за порогъ, — дѣлаютъ прогулку по второстепеннымъ кварталамъ Сеула крайне непріятной. Вдобавокъ надоѣдаетъ неслосная бѣлая пыль, съ ранняго утра окутывающая городъ. О поливкѣ улицъ здѣсь не имѣютъ понятія, а улицы немощены. Воды тоже нѣтъ достаточно.

Ложбина рѣчки, протекающей серединой города, наполняется водою только во время дождей; затѣмъ она пересыхаетъ и остается отъ нея маловодный, грязный, вонючій ручей, лѣнливо струящійся среди засоренныхъ камней. Въ тѣни каменной набережной, довольно высокой и хорошо построенной, сидятъ у воды прачки и усердно бьютъ короткими валиками по мокрому бѣлью. Для меня осталось тайной, какимъ образомъ эти особы, столь часто и прилежно стирающія свое и мужнино платье, ухитряются сохранять въ неприкосновенности грязь своего тѣла.

Самая красивая и полная движенія въ Сеулѣ, это улица Цзонъ-но, по которой проходитъ электрическій трамвай. Тамъ находятся лучшіе лавки, магазины и базары, подражающіе не особенно удачно богатымъ китайскимъ торговымъ рядамъ. Я съ большимъ трудомъ отыскалъ тамъ книжную лавку, такъ часто встрѣчающуюся въ Китаѣ и Японіи. Магазиновъ съ предметами искусства я совсѣмъ не нашелъ. Правда, на базарѣ мнѣ показывали лубочныя картины, похожія на японскія „какемоно“¹⁾, но я не рѣшался признать ихъ за произведенія искусства. Огорченный моимъ покупательскимъ равнодушіемъ переводчикъ, который по восточному обычаю получалъ небольшую плату отъ купца за каждую мою покупку, повелъ меня дальше въ столярные ряды, гдѣ помѣщались груды знаменитыхъ корейскихъ ящиковъ и шкафовъ, разнообразно раскрашенныхъ

¹⁾ Длинные свертывающіеся на деревянный валикъ рисунки, которые въ Японіи служатъ украшеніемъ комнатъ.

и окованныхъ крупными наугольниками и бляхами изъ латунной, цинковой или просто луженой жести.

Среди лавокъ единственно „траурные ряды“ произвели на меня сильное впечатлѣніе. Длинные шеренги открытыхъ лабазовъ, полныя пеньковыхъ веревокъ, грубыхъ тканей, какихъ-то палочекъ и пучковъ соломы, бѣлыхъ сѣтокъ для траурныхъ бесѣдокъ и, конечно, неизбѣжныхъ огромныхъ зонтообразныхъ шляпъ для сокрытія опечаленныхъ лицъ. О да, корейскій народъ очевидно много упряжнялся въ печали и успѣлъ полюбить трауръ!

Иностранная торговля возникла въ Корей очень недавно; она раньше была ограничена такими формальностями и запрещеніями, что почти отсутствовала. Первые японцы добились льготъ для своей торговли, а за ними и другіе иностранцы. Но и по сей день японцы сохранили преобладаніе во внѣшней корейской торговлѣ; они устроили правильное походное сообщеніе между прибрежными городами Японіи и важнѣйшими портами Кореи, какъ Фузанъ (югъ), Гензанъ (востокъ), Чемульпо (западъ); они вездѣ устроили почтовые конторы, телеграфы, банки и перевозочныя общества. Не удивительно: Корея, ближайшая ихъ сосѣдка, производитъ необходимый имъ рисъ, а нуждается въ товарахъ, тканяхъ, краскахъ, желѣзныхъ орудіяхъ, производствомъ которыхъ очень усердно и успѣшно занимаются японцы.

IX. Во что вѣрують корейцы, какъ молятся и какъ хоронятъ покойниковъ.

Темный, слабый умъ первобытнаго дикаря всякое движеніе и всякое дѣйствіе, всякое проявленіе жизни въ природѣ приравнивалъ къ движеніямъ и дѣйствіямъ человѣка или животныхъ. Дерево, мѣняющее свой видъ, покрывающееся листьями, цвѣтами и плодами, а затѣмъ теряющее ихъ, дерево растущее и усыхающее, представлялось ему тѣломъ особаго существа, похожаго на человѣка, но живущаго подъ древесной корой. Утесъ на горѣ былъ тоже жилищемъ живого существа, такъ какъ отъ него временами откалывались и катились внизъ самодвижущіеся камни. Колышущій лѣсами вѣтеръ, журчащій ручей, ревущій водопадъ, рѣка, была тоже, по понятіямъ первобытныхъ людей, существами живыми, такъ какъ они двигались и издавали звуки.

Наблюденіе жизни и смерти, сна и бодрствованія, болѣзни и здоровья приводили въ свою очередь первобытныхъ людей къ заключенію, что всякое живое существо состоитъ изъ неподвижнаго безсильнаго тѣла и самодвижущейся души, которая живетъ въ присущемъ ему тѣлѣ точно въ домикѣ, можетъ входить и выходить изъ него произвольно, покидать временно или на долго, и что въ одно тѣло могутъ вселяться даже двѣ, три и больше душъ; души, случалось, уживались мирно, но случалось, что онѣ и ссорились, отъ чего происходили болѣзни, сумасшествіе и т. д. Послѣ смерти тѣла души людей и животныхъ блуждали невидимкой по землѣ, высматри-

вая, гдѣ бы поселиться, пристроиться или пожитья. Такъ какъ онѣ совершенно походятъ, по понятіямъ первобныхъ людей, на людей или живыхъ звѣрей, то требуютъ для себя того же, что нужно послѣднимъ. Такое пониманіе вселенной называется анимизмомъ, отъ латинскаго слова анима—душа. Выходило поэтому, что приключенія, болѣзни, удачи и неудачи людей зависѣли отъ состоянія и поведенія населяющихъ ихъ душъ. Отсюда, чтобы отвратить стихійныя бѣдствія, какъ разливы рѣкъ—нужно умилоствовать рѣчныхъ духовъ; чтобы прекратить бурю—нужно умилоствовать духовъ вѣтра; чтобы обезпечить себя отъ козней покойниковъ—нужно принести жертвы ихъ душамъ; чтобы устранить болѣзнь—нужно прогнать подкупить, вообще тѣмъ или другимъ способомъ заставить удалиться изъ больного тѣла поселившагося въ немъ злокозненнаго духа. Такъ какъ души совершенно похожи на людей, то онѣ подобно чело-вѣческому обществу не только обладаютъ всѣми присущими людямъ страстями и потребностями, но и составляютъ цѣлыя общины; есть у нихъ свои начальники и подчиненные, свои законы и обычаи. Чтобы побороть или отмѣнить въ хорошую сторону какую-нибудь невзгоду, нужно, во-первыхъ, знать, къ кому она причинена, затѣмъ—за какую провинность, наконецъ—къ кому, къ какому мощному духу слѣдуетъ обратиться, съ цѣлью добиться исправленія несчастія, излѣченія болѣзни или прекращенія стихійнаго бѣдствія.

Взять жертвы и подарки всякій изъ духовъ не прочь, разсуждаетъ первобытный чело-вѣкъ, но не каждый изъ нихъ можетъ совершить про-

симое. Знаніе всѣхъ этихъ духовъ и чудодѣйственныхъ ихъ свойствъ да умѣніе поддерживать съ ними сношенія довольно трудно и не всякому знаніе это доступно; словомъ, для этого нужно быть „шаманомъ“, обладать вѣщимъ даромъ и знаніемъ заклинаній. Такимъ образомъ шаманизмъ есть религія, признающая, что весь міръ населенъ духами и что для сношенія людей съ этими духами и необходимы особые жрецы—шаманы. Обычные пріемы шамановъ въ обращеніи къ духамъ, это—пляска, пѣніе заклинанія и жертвоприношенія животными, пищей и предметами. Судя по остаткамъ древней корейской религіи, сохранившимъ и по сей день въ обычаяхъ корейцевъ, а также основываясь на указанія китайскихъ лѣтописей, мы утверждаемъ, что народы, населяющіе Корею, искони были шаманистами.

Они почитали, по свидѣтельству лѣтописцевъ, духовъ неба и земли, полярную звѣзду, духовъ горъ, лѣса, рѣкъ, души умершихъ.. Они приносили имъ разнообразныя жертвы и зывали къ нимъ, приплясывая и напѣвая.

То же самое происходитъ и теперь. Но такъ какъ союзы древнихъ полудикихъ народовъ Кореи превратились теперь въ болѣе или менѣе устроенное государство и такъ какъ корейцы до сихъ поръ все земное цѣликомъ переносятъ на небо, то они полагаютъ, что и міръ духовъ управляется такими же начальниками, обладающими властью въ разной степени, какъ это имѣетъ мѣсто и въ Корей. Итакъ, корейцы вѣрятъ, что выше всѣхъ поставлены духи неба, затѣмъ идутъ духи земли, духи горъ и возвышенностей, духи драконовъ, духи-

покровители провинцій... Это главнѣйшіе духи, въ родѣ принцевъ, министровъ, губернаторовъ, а управляетъ ими на подобіе короля „Сонъ-хо-анъ-данъ... (владыка небесъ). Важную роль играетъ, также „Окъ-ханъ-сіанте“—верховный судья, къ которому, по мнѣнію корейцевъ, приводятъ слуги подземнаго царства „са-цза“ души всѣхъ покойниковъ для осужденія ихъ по заслугамъ, сообразно ихъ поведенію на землѣ. Кромѣ того существуетъ, по понятіямъ корейцевъ, множество духовъ второстепенныхъ, завѣдующихъ, точно чиновники разныхъ вѣдомствъ, различными сторонами жизни или менѣе важными явленіями природы. Есть духи домовъ, мебели, кухни, духи звѣрей дикихъ и домашнихъ, духи хлѣбовъ, духи вредныхъ и полезныхъ земледѣльцамъ птицъ, насекомыхъ и животныхъ, наконецъ духи всевозможныхъ болѣзней и смертей. На корейскихъ дорогахъ, особенно на перекресткахъ, у входа и выхода въ селенія, въ небольшихъ заповѣдныхъ рощахъ, на перевалахъ горъ, въ опасныхъ ущеліяхъ—частенько встрѣчаются алтари изъ камней и глины въ честь большихъ и меньшихъ божествъ и духовъ. Иногда на алтаряхъ стоятъ изображенія духовъ въ видѣ по-корейски одѣтыхъ людей, вырѣзанныхъ изъ дерева или нарисованныхъ на бумагѣ, дощечкѣ, древесной корѣ. Алтари помѣщаются по большей части подъ открытымъ небомъ, но изрѣдка встрѣчаются и маленкія часовеньки или просто шалаши изъ хворосту или тростника съ такими же глиняными алтарями и изображеніями боговъ внутри. Тутъ же поблизости, на нарочно воткнутыхъ въ землю палочкахъ или на вѣтвяхъ сосѣднихъ деревьевъ развѣ-

шены жертвы мѣстныхъ почитателей или набожныхъ прохожихъ: лоскутки ситцу, пучки полосъ, нитки, веревочки, мѣшечки съ рисомъ, маленькія лепешки, старые башмаки, шляпы, пуговицы, деньги и т. п. У многихъ алтарей ежегодно, у нѣкоторыхъ и чаще, собираются толпы окрестныхъ жителей ради торжественныхъ моленій и принесенія жертвъ. Съ этой цѣлью они въ складчину покупаютъ свиней, домашнюю птицу, рогатый скотъ, который на алтарѣ закалывается мясниками съ большими церемоніями въ присутствіи шамановъ и по ихъ указаніямъ. Духамъ царствующей фамиліи „И“, а также покровителямъ провинціи въ каждой провинціи приносятся кровавыя жертвы по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, другимъ духамъ—по мѣрѣ надобности: въ засуху — дракону дождей, въ наводненіе—духу данной рѣки, въ эпидемію — духу данной болѣзни... Въ случаѣ, если какое-либо лицо, постигнутое несчастіемъ или болѣзью, вознамѣрится принести самолично искупительныя жертвы, оно можетъ воздвигнуть себѣ особый алтарь или воспользоваться существующимъ, но жертвенныя животныя оно должно купить само и вознаградить приглашеннаго для этого мясника и шамана. Общественныя жертвоприношенія мясники исполняютъ даромъ, за что они освобождены отъ податей. Корейскіе шаманы образуютъ особыя братства подъ начальствомъ старшинъ, признанныхъ и утвержденныхъ правительствомъ. Они дѣлятся на шамановъ первой степени „панъ-су“,—слѣпыхъ отъ рожденія волхвовъ и предсказателей, шаманокъ „му-данъ“ и второстепенныхъ шамановъ „ся-данъ“. Панъ-су

исполняютъ священныя пляски, молитвы, приносятъ жертвы и опредѣляютъ въ частныхъ случаяхъ, какому изъ боговъ необходимо ее принести для полученія просимаго результата. Кромѣ того они торгуютъ всякими амулетами, защищающими, по повѣрью корейцевъ, отъ дурного глаза, неожиданной смерти, отъ воровъ, отъ пожаровъ и прочихъ несчастій; отыскиваютъ счастливыя мѣста для погребенія покойниковъ и опредѣляютъ счастливыя дни для свадебъ, похоронъ, путешествій... Вообще корейцы ничего не предпринимаютъ безъ совѣта у предсказателей и другихъ шамановъ, что даетъ всѣмъ имъ большіе доходы. Панъ су живутъ хорошо, они получаютъ нѣкоторое образованіе въ особыхъ школахъ, читаютъ старинныя сочиненія—будійскія, китайскія и японскія. Они знаютъ всѣ семейныя тайны данной мѣстности, всѣ городскія и деревенскія сплетни, всѣ придворныя дѣла и интриги. Они проникаютъ въ дома, дворцы и хижины, все узнаютъ и затѣмъ сообщаютъ другъ другу, отъ чего имъ неразъ удастся ловко предсказывать событія, узнавши объ нихъ заблаговременно.

Шаманки „му-данъ“ и второстепенные шаманы „ся-данъ“ пользуются меньшимъ почетомъ, бѣднѣе и невѣжественнѣе „панъ-су“. Во многихъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Сеулѣ, имъ запрещено жить и они ютятся въ предмѣстьяхъ въ убогихъ и грязныхъ лачугахъ. Это по большей части несчастные полусумасшедшіе люди, которые занимаются волшебствомъ и заклинаніями, плясками, пѣніемъ и игрой на волшебномъ бубнѣ по внутреннему неодолимому влеченію. Такое влеченіе къ непонятному

кривлянію и дикимъ крикамъ считается у корейцевъ несомнѣннымъ признакомъ шаманскаго призванія. Случалось, что женщины изъ богатыхъ и высшихъ корейскихъ круговъ дѣлались нищими шаманками, повинувая внутреннему влеченію. Второстепенные шаманы и шаманки занимаются главнымъ образомъ излѣченіемъ больныхъ, отысканіемъ украденныхъ или потерянныхъ предметовъ, умиловленіемъ второстепенныхъ духовъ. Они не могутъ приносить лично большихъ кровавыхъ жертвъ.

Позванный къ больному шаманъ или шаманка стараются прежде всего узнать, при какихъ обстоятельствахъ произошло заболѣваніе. Затѣмъ они надѣваютъ свое шаманское платье, обшитое побрякушками и лоскутьями, и принимаются плясать, наигрывая на бубнѣ. Они поютъ, режутъ, мечутся, стараясь такимъ образомъ обратить на себѣ вниманіе и привлечь на свою сторону своихъ духовъ-покровителей, которые есть, по повѣріямъ корейцевъ, у всякаго шамана и при помощи которыхъ они получаютъ всѣ нужныя имъ указанія и объясненія. Узнавши якобы отъ этихъ духовъ-покровителей, кто изъ небожителей, большихъ или мелкихъ духовъ, былъ обиженъ и остался недоволенъ заболѣвшимъ и за это причинилъ ему болѣзнь, шаманъ вступаетъ въ переговоры съ разгнѣваннымъ, предлагая ему вознагражденіе за выздоровленіе больного или въ случаѣ, если духъ, по его мнѣнію, слабъ и незначителенъ, просто прогоняетъ его заклинаніями, ужасной игрой на бубнѣ и неистовой пляской съ пѣніемъ и свирѣпыми завываніями. Къ концу обряда шаманъ заявляетъ предполагаемый срокъ

выздоровленія и условія, постановленныя духами. Конечно, условія эти свято исполняются больнымъ и его ближними, но выздоровленіе происходитъ далеко не всегда, хотя шаманы кромѣ заклинанія употребляютъ при лѣченіи и лѣкарства. Вообще у нихъ есть много общаго съ русскими деревенскими знахарями и колдунами.

Шаманы и шаманки принимаютъ также дѣятельное участіе въ похоронахъ корейскихъ покойниковъ, обставленныхъ очень торжественно, очень сложныхъ и продолжительныхъ.

По корейскимъ понятіямъ, у человѣка есть не одна, а три души. По его смерти одна поселяется въ остающуюся дома „поминальную табличку“ покойнаго, другая проживаетъ въ могилѣ подъ защитой надгробнаго камня „ту-ди“, третья отправляется къ „десяти судьямъ“ въ подземное царство; тамъ ее судятъ и отправляютъ по заслугамъ на вѣчныя мученія въ адъ или на вѣчное блаженство въ рай. Такъ какъ, по мнѣнію корейцевъ, душа совсѣмъ похожа на живого человѣка, то по этому они снабжаютъ тѣло покойника всѣмъ необходимымъ для жизни и длиннаго путешествія, предстоящаго душѣ въ подземное царство. Затѣмъ корейцы постоянно въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ и лѣтъ выражаютъ свое сыновнее или вообще родственное горе этой душѣ, витающей вблизи тѣла покойника или проживающей въ его могилѣ. Они часто громко рыдаютъ, постыятся и причиняютъ себѣ другія непріятности, связанныя съ печалью и трауромъ.

Все время, пока покойникъ остается въ домѣ, около него на маленькомъ столикѣ стоитъ пища и

напитки, на стулѣ лежитъ платье и вблизи находятся умывальникъ съ водой, съ утиральниками, гребешками и щетками, нужными будто бы душѣ для ежедневнаго умыванія и одѣванія. Иногда покойникъ, одѣтый въ лучшія свои платья и положенный въ крѣпкій деревянный гробъ, держится туземцами дома три и четыре мѣсяца; чѣмъ люди знатнѣе и чѣмъ больше они любили покойнаго, тѣмъ дольше полагается имъ держать въ домѣ его тѣло. Ради этого они устраиваютъ во дворѣ родъ бесѣдки, гдѣ стоитъ гробъ съ покойникомъ и лежатъ его вещи, гдѣ курятъ ему фиміамъ, сжигаютъ бумажки и бумажные предметы, полагая, что душа этихъ предметовъ уходитъ вслѣдъ за покойникомъ и служитъ ему въ загробной жизни. Послѣ многихъ дней плача, моленій, обрядовъ, жертвоприношеній и сожженія множества бумажныхъ изображеній предметовъ, несутъ наконецъ покойника на кладбище. Впереди идутъ люди съ ящиками, полными вещей покойника, съ лопатами и значками, съ сосновыми вѣтками. Позади движутся толпой ближайшіе родственники, одѣтые въ траурныя платья изъ грубаго небѣленаго холста и въ надвинутыхъ на лица громадныхъ шляпахъ-корзинахъ. Гробъ корейцы ставятъ въ „счастливомъ“ мѣстѣ, заблаговременно опредѣленномъ предсказателемъ; могильную яму роютъ они не глубокую, зато сверху насыпаютъ круглый довольно большой холмикъ, который покрываютъ старательно дерномъ, а зажиточные сбоку сажаютъ сосны. Впереди могильнаго холмика ставятъ камень „ту-ди“. Затѣмъ родственники и семья покойника возвращается домой, унося обратно ящикъ съ платьемъ покойника и его „по-

минальные дощечки". Передъ этими дощечками два раза въ мѣсяцъ въ продолженіе 2—3 лѣтъ справляются ближайшими родственниками покойнаго, сыновьями или внуками, поминальные жертвоприношенія и молитвы.

Послѣ возвращенія домой съ похоронъ всѣ участники справляютъ скромную трапезу, ѣдятъ и пьютъ умеренно и много разговариваютъ о покойникѣ.

На ближайшихъ родственниковъ возложенъ обычаями и закономъ трауръ; онъ особенно тяжелъ для дѣтей покойниковъ и продолжается для нихъ три года. Первые три года траура послѣ смерти отца или матери дѣти не въ правѣ заниматься какимъ-либо трудомъ, принимать вообще участіе въ мірскихъ дѣлахъ, ходить въ гости и принимать гостей, не въ правѣ стричь волосъ, причесываться, перемѣнять одежды, даже умываться, не въ правѣ ѣсть мяса, чесноку, рыбы, убивать даже вредныхъ животныхъ и насѣкомыхъ. Всѣ эти правила соблюдаются особенно строго въ первомъ году послѣ смерти родителей, который считается годомъ самаго глубокаго траура. Затѣмъ трауръ становится легче и въ послѣдній годъ считается полу-трауромъ. Видъ туземца, справляющаго первый глубокій трауръ послѣ родителей, самый жалкій; онъ одѣтъ въ рваное и грязное рубище, на голову и лицо его глубоко надвинута громадная шляпа, подпоясанъ онъ веревкой; онъ босъ, грязенъ, закрываетъ лицо отъ прохожихъ маленькимъ вѣеромъ и пробирается сторонкой съ потупленнымъ взоромъ, точно совершилъ какое преступленіе.

Несоблюденіе этихъ правилъ можетъ вызвать, по

понятіямъ корейцевъ, гнѣвъ покойника и его мщеніе, выражающееся въ неожиданныхъ несчастіяхъ и приключеніяхъ, постигающихъ ближайшихъ его родственниковъ. Къ такимъ же бѣдствіямъ ведетъ и всякое оскорбленіе могилы покойника или нарушеніе его

Корейскіе пильщики дерева.

покоя. Опять страдаютъ отъ этого, по мнѣнію корейцевъ, сыновья покойника, поэтому они прежде всего заботятся о выборѣ счастливаго мѣста для могилы родителей, которую строго оберегаютъ. Нѣтъ у корейцевъ большаго оскорбленія, какъ нарушеніе покоя ихъ мертвецовъ; это считается у нихъ

самой ужасной местию, и большая часть судебных дѣлъ возникаетъ въ корейскихъ деревняхъ по поводу нарушенія кладбищенскихъ правилъ. Правила эти запрещаютъ хоронить вблизи лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ семействамъ. Пользуются этимъ обстоятельствомъ недобросовѣстные „искатели счастливыхъ могилъ“, указывающіе сыновьямъ на мѣсто для схороненія ихъ отца или матери именно тамъ, гдѣ похоронены родственники лицъ, съ которыми они желаютъ ихъ посорить. Такъ какъ, по мнѣнію корейцевъ, удачно выбранное мѣсто могилы предка даетъ всякое благополучіе его потомкамъ, приводитъ ихъ къ богатству и почестямъ, то многіе пробуютъ насильно захватить указанные счастливыя мѣста, отъ чего возникаютъ кровавыя драки, даже убійства и раздоры, длящіяся иногда годы и охватывающіе цѣлые роды и деревни.

Торжественныя похороны и глубокій трауръ корейцевъ позаимствованъ ими вмѣстѣ съ почитаніемъ предковъ у китайцевъ.

Хотя большинство корейскаго народа въ дѣйствительности шаманисты, но государственной религіей считался у нихъ въ прошломъ буддизмъ, а въ настоящее время конфуціонизмъ, сущность котораго состоитъ въ поклоненіи предкамъ.

Тысячу двѣсти лѣтъ тому назадъ буддизмъ уже проникъ въ Корею, послѣ долгой и горячей проповѣди буддійскихъ монаховъ распространился по всему полуострову, уже тысячу лѣтъ тому назадъ былъ признанъ тогдашними правителями Ко-ріо за государственную религію. Сущность буддизма сводится въ стремленіи постепенно превратить всѣхъ

людей въ всесовершенныхъ, вседобродѣтельныхъ буддъ, что достигается путемъ личнаго самоусовершенствованія и перевоплощенія послѣ смерти въ лучшія и лучшія существа. Люди не хорошіе, грѣшные перевоплощаются послѣ смерти въ худшія существа, въ животныхъ, даже въ гадовъ. Самымъ удобнымъ средствомъ достигъ совершенства считается по ученію буддизма постриженіе въ монахи и уходъ отъ мірской жизни. Буддійскіе монахи даютъ обѣтъ бѣдности, послушанія и незлобивости; они отказываются отъ семьи и отъ богатства, имуществомъ владѣютъ сообща и живутъ милостыней. Они усердно занимаются изученіемъ своихъ священныхъ книгъ, вообще они любятъ знаніе и искусство. Они-то и распространили главнымъ образомъ грамотность въ Кореѣ и научили корейцевъ многимъ ремесламъ и художествамъ. Они понастроили множество монастырей по всей странѣ, выбирая для этого излюбленныя ими горныя вершины среди лѣсовъ и пустынныхъ хребтовъ. Многіе монастыри опустѣли въ послѣдствіи и разрушились, но во многихъ сохранились еще остатки прежняго великолѣпія, изящныя зданія въ китайскомъ вкусѣ, живописныя картины на потолкахъ и стѣнахъ, рѣзныя ворота и лѣпныя кровли. Я посѣтилъ одинъ такой монастырь и былъ принятъ очень любезно монахами; меня угостили прекраснымъ сбитнемъ изъ душистаго меда и буддійскимъ обѣдомъ, состоящимъ исключительно изъ риса, рѣдки и различныхъ корешковъ, такъ какъ буддисты совершенно не употребляютъ мяса, а буддійскіе монахи не употребляютъ даже рыбы и яицъ.

Буддизмъ очень благотворно повліялъ на дикіе нравы первобытныхъ обитателей корейскаго полуострова: умиротворилъ многіе раздоры, сократилъ междоусобныя войны. Изъ Кореи онъ перешелъ въ Японію и долго служилъ связью между корейцами и японцами. Когда на полуостровѣ усилилось въ послѣдствіи вліяніе китайцевъ, буддизмъ былъ признанъ опасной религіей, подвергся преслѣдованію, а его мѣсто въ государствѣ занялъ конфуціонизмъ. Многіе буддійскіе монастыри были закрыты, монахамъ перестали выплачивать изъ казны жалованіе и изъ многихъ городовъ прогнали ихъ, какъ совѣтниковъ японцевъ. Вездѣ торжествовали въ то время китайцы и ихъ приверженцы, поклонники Конфуція. Ученіе Конфуція заключается въ почитаніи властей, въ послушаніи живыхъ родителей и въ поклоненіи умершимъ предкамъ. Совершенство достигается по ученію Конфуція путемъ строгаго исполненія своихъ обязанностей и принесенія обильныхъ жертвъ душамъ предковъ. Поминальныя таблички предковъ, на которыхъ написаны ихъ имена, сохраняются почтительно каждой семьей до четвертаго колѣна (т. е. правнуками) и помѣщаются въ особомъ углу, гдѣ устроенъ алтарь предковъ—маленькій столикъ, украшенный цвѣтами, подсвѣчниками и бездѣлушками. У богатыхъ корейцевъ для этого отведена особая комната. Ежемѣсячно, а то два раза въ мѣсяцъ, передъ этимъ алтаремъ глава семьи, отецъ или старшій братъ, куритъ еиміамъ, жжетъ свѣчи, бумажки и приноситъ другія жертвы, обыкновенно рисъ, плоды, рыбу. Читаются молитвы и справляются поминки. Болѣе торжественныя го-

сударственныя моленія совершаются чиновниками, а самыя торжественныя—королемъ. Похоронные обряды всецѣло позаимствованы корейцами у китайцевъ и носятъ характерныя черты поклоненія предкамъ.

Вообще многое изъ буддизма и конфуціонизма перемѣшалось съ шаманскими воззрѣніями и обрядами первобытныхъ корейцевъ и составило главную суть современныхъ вѣрованій корейскаго простонародія. Оно вѣритъ въ благодатныхъ драконовъ, драконовъ воздушныхъ, драконовъ, живущихъ въ рѣкахъ и озерахъ, и подземныхъ; они вѣрятъ въ оборотней—людей и животныхъ, въ людоедовъ, въ вѣщіе сны и всякія гаданія. Безъ гаданія кореецъ не предпринимаетъ никакого дѣла.

Въ XVI столѣтіи впервые явилось въ Корею христіанство. Занесли его сюда японцы, а укрѣпили и развили христіане-китайцы. Корея единственный уголокъ Востока, гдѣ христіанство проповѣдывали не европейскіе миссіонеры, а туземцы, поэтому здѣсь преслѣдованія христіанъ возникли позже и самое христіанство привилось крѣпче, чѣмъ въ Японіи и Китаѣ.

Преслѣдованія христіанъ возникли только въ XIX столѣтіи и стали особенно жестоки послѣ появленія въ Корей французскихъ миссіонеровъ, которыхъ корейскія власти подозрѣвали въ шпіонствѣ съ цѣлью разузнать всѣ пути и силы страны и въ намѣреніи привести затѣмъ своихъ соотечественниковъ для грабежей и завоеваній. Туземцы христіане считались ихъ пособниками, врагами существующаго строя и правящей династіи. Ихъ подвергали жесто-

чайшимъ пыткамъ и мученіямъ и казнили въ огромномъ количествѣ, ихъ уничтожали поголовно семьями и селеніями, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей, ни стариковъ, какъ опасныхъ враговъ государства.

Тѣмъ не меніе христіанство хотя и медленно, все возрастало, и въ настоящее время числится въ Корей 29.000 христіанъ, въ ихъ числѣ 28.000 католиковъ, миссіонеры которыхъ первые проникли въ страну и больше всѣхъ пострадали во время гоненій.

Въ настоящее время въ Корей полная вѣротерпимость; всякій можетъ исповѣдывать религію какая ему понравится; гоненія прекратились въ 1875 году по настоянію японцевъ.

Х. Семья.—Воспитаніе дѣтей.—Бракъ.

Всѣ лица, носящія одну и ту же фамилію, считаются у корейцевъ родственниками и образуютъ такъ называемый *родъ*—„ильцогі“. Члены его не могутъ жениться другъ на другѣ, несутъ круговую отвѣтственность за многіе преступленія сородичей, обязаны платить за нихъ долги, помогать имъ советомъ и дѣломъ, защищать и заступаться за нихъ. Часто эти обычаи ведутъ къ большимъ злоупотребленіямъ; чиновники хватаютъ по своему усмотрѣнію лицъ ни въ чемъ неповинныхъ, но имъ непріятныхъ, подъ предлогомъ, что они принадлежатъ къ преступному роду, или заставляютъ платить долги и подати людей состоятельныхъ за лицъ имъ

совершенно неизвѣстныхъ, носящихъ только такую же какъ и они фамилію.

Роды когда-то пользовались большимъ значеніемъ; они защищали дѣйствительно своихъ членовъ отъ всевозможныхъ опасностей и насилій, и родовая месть долго была единственнымъ наказаніемъ за челоуѣкоубійство.

По понятіямъ того времени, нельзя было убивать только членовъ своего рода; въ случаѣ убійства инородца сородичи защищали убійцу, а члены, принадлежащіе къ роду убитаго, преслѣдовали его.

Теперь нравы въ Корей смягчились, сородичи не защищаютъ убійцы даже своего родственника, преступленія наказываются общими законами. До сихъ поръ осталась только въ корейскихъ обычаяхъ отвѣтственность ближайшихъ родственниковъ за государственныя преступленія. Виновника обыкновенно казнятъ, а отца, мать, жену, дѣтей, нерѣдко братьевъ и сестеръ ссылаютъ на островъ Квельпартъ, или продаютъ въ рабство.

Значеніе *рода* все болѣе падаетъ, и семья является главной и единственной основой общественнаго строя корейцевъ; выше нея стоитъ только государство, которое въ цѣляхъ управленія и сбора податей соединяетъ живущія по сосѣдству семьи въ волости, а ближайшія волости въ уѣзды. Волостями завѣдуютъ выборные старшины, утверждаемые правительствомъ, а уѣздами—назначаемые правительствомъ начальники.

Въ предѣлахъ семьи отецъ пользуется неограниченной властью; онъ въ правѣ даже продать своихъ дѣтей кому угодно, и такая продажа до сихъ

поръ происходитъ въ Корей подъ видомъ усыновленія, хотя рабство людей нѣсколько лѣтъ тому назадъ было отмѣнено закономъ. Продають корейцы обыкновенно только дѣвочекъ, такъ какъ мальчики цѣнятся ими какъ будущіе работники въ семьѣ и

Глаженіе бѣлья.

будущіе поминальщики родителей послѣ ихъ кончины. А это очень важно для туземцевъ, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, душа покойника, лишенная поминокъ и молитвъ, мучится и блуждаетъ безпкойно по землѣ, лишенная возможности успокоиться въ „царствѣ тѣней“, гдѣ проживаютъ счастливы, имѣющіе поминателей, и гдѣ они кормятся прино-

симыми имъ постоянно жертвами. Женщины съ выходомъ замужъ уходятъ изъ семьи и къ тому же не имѣютъ права совершать моленій и жертвоприношеній передъ „табличками предковъ“. Поэтому онѣ, по мнѣнію корейцевъ, представляютъ менѣе цѣнный матеріалъ для семьи. Въ дѣйствительности же ими-то по преимуществу и держится семья. Корейки очень нѣжныя матери, холятъ и нѣжатъ своихъ дѣтей, отказывая себѣ во всемъ. Онѣ очень заботливыя хозяйки, вся домашняя работа: приготовленіе пищи, стирка и шитье платья, заготовка на зиму всякихъ запасовъ—все это лежитъ на попеченіи корейскихъ женщинъ. Содержаніе въ опрятности дома, уходъ за домашней птицей и скотомъ тоже возложено на нее, а къ тому же въ деревняхъ она обязательно должна помогать мужу въ полевыхъ работахъ.

Не перечислить всѣхъ трудовъ и заботъ корейской женщины,—у нея нѣтъ минуты отдыха, и, хотя кореецъ работаетъ много, жена его работаетъ еще больше. Между тѣмъ ей предоставленно много меньше всякихъ правъ и удобствъ: у нея нѣтъ своей собственности, все у нея въ правѣ отобрать мужъ, у нея даже нѣтъ имени: мужъ зоветъ ее „своей женщиной“, сынъ—„матерью“, посторонніе—„женой“ такого-то или „матерью“ такого-то. Женщина корейская съ выходомъ замужъ теряетъ свое имя. Безъ спросу мужа она не смѣетъ выходить изъ дому, точно маленькій ребенокъ; идя по улицѣ, она должна закрывать лицо особой накидкой „чангъ-отъ“; безъ накидки ходятъ тодько старухи или настолько бѣдныя женщины, что онѣ не въ состояніи

купить себѣ „чангъ-отъ“. Молодые женщины и дѣвушки живутъ замкнуто и обособленно; на женскую

Двухъэтажная пляска—игра корейскихъ мальчиковъ.

половину дома не смѣетъ войти ни одинъ мужчина, исключая мужа или отца. Даже братьямъ входъ туда воспрещенъ.

Дѣти воспитываются вмѣстѣ только до 10 лѣтъ. До этого возраста они бродятъ вмѣстѣ, играютъ въ камешки, пуговицы, ищутъ птицъ, насѣкомыхъ, устраиваютъ на нихъ ловушки, клѣтки, ящички, играютъ во всевозможныя игры, изъ которыхъ многія похожи на наши. Корейскія дѣти очень общительны, также какъ и взрослые корейцы, всегда держатся вмѣстѣ, причемъ старшіе наблюдаютъ за младшими. Иногда на спинахъ старшихъ, 7—8 лѣтнихъ дѣтишекъ матери привязываютъ маленькихъ годовалыхъ ихъ братьевъ и сестричекъ. Дѣти играютъ, бѣгаютъ, рѣзвятся со своей ношей, а бѣдный сѣдокъ часто спитъ, откинувши назадъ или въ сторону бритую головку. У маленькихъ дѣтей корейцы головы брѣютъ, а у старшихъ (какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ) заплетаютъ въ одну косу, которая болтается свободно на спинѣ. Старшіе дѣти, лѣтъ 7—8, исполняютъ легкія домашнія работы: сгребаютъ легкими бамбуковыми граблями сѣно и солому на дорогахъ и деревенскихъ улицахъ, собираютъ въ перелѣскахъ и рощицахъ хворостъ, присматриваютъ за домашней птицей. Зимой дѣти ходятъ въ школу, если таковая имѣется въ деревнѣ. На десятомъ году мальчики отдѣляются отъ дѣвочекъ; съ этого момента мальчики спятъ, ѣдятъ, работаютъ вмѣстѣ съ мужчинами, дѣвочки—вмѣстѣ съ женщинами.

Городскіе мальчики изъ бѣднаго населенія занимаются мелочной торговлей въ разнось. На груди у нихъ подвѣшенъ небольшой лотокъ, въ которомъ въ особыхъ перегородочкахъ помѣщены спички, леденцы, папиросы, конфеты и другія лакомства (см. стр. 85). Корейцы очень любятъ этихъ маленькихъ торговцевъ,

которые смѣтливы, остроумны, любезны, за словомъ въ карманъ не лѣзутъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они не такіе назойливые, какъ европейскіе ихъ собратья. Хотя они всюду шныряютъ и ихъ можно встрѣтить въ самыхъ отдаленныхъ, пользующихся дурной славой городскихъ кварталахъ, я не слыхалъ о томъ, чтобы кто-либо обидѣлъ „іотъ“. Не менѣе часто чѣмъ „іотъ“ можно видѣть на городскихъ улицахъ маленькую фигуру въ широчайшихъ шароварахъ, коротенькой курточкѣ съ небольшою косичкой на спинѣ. За спиной у нея большая корзина или мѣшокъ, а въ рукахъ бамбуковыя грабли. Этими граблями „намъ-хао“,—такъ называется маленькій промышленникъ,—сгребаютъ на улицахъ и площадяхъ сѣно, солому, растительные остатки, листья салата и проч., которые, мелко изрубленные и посыпанные бобовой мукой, идутъ затѣмъ въ кормъ скоту.

Мнѣ случалось часто наблюдать игры корейскихъ ребятъ и отношеніе къ дѣтямъ взрослыхъ корейцевъ, и я нахожу, что маленькіе корейцы держатъ себя степенно, мало озорничаютъ, рѣдко дерутся, вообще ведутъ себя свободно и весело, но не буйно. Старшіе, видимо, ихъ любятъ и балуютъ.

Несмотря на большія права, которыя предоставляютъ законъ и обычаи корейскимъ родителямъ по отношенію къ ихъ дѣтямъ, семейныя отношенія въ Корей мягки и человѣчны. Хотя дѣти по закону обязаны становиться на колѣни при встрѣчѣ съ родителями, хотя обычай не позволяетъ дѣтямъ сѣсть, говорить и ѣсть въ присутствіи родителей, послѣдніе этого никогда почти не требуютъ отъ своихъ дѣтей. Понятно: родителямъ важнѣе любовь

и привязанность дѣтей, чѣмъ ихъ внѣшнее почитаніе, и они твердо увѣрены въ той истинѣ, что могилы ихъ лучше будутъ оберегаться любящими дѣтьми, чѣмъ послушными.

Корейскіе юноши, которые поступили уже въ высшіе классы училища, носятъ обыкновенно на головѣ рогатыя сѣтчатыя шапки; маленькія же дѣти ходятъ съ открытыми головами или повязываютъ ихъ платкомъ.

Выборъ времени брака, поиски невесты или жениха всецѣло зависятъ отъ родителей. Обыкновенно родители, намѣтивши желательную имъ невесту, посылаютъ къ ея родителямъ любезное письмо на красной бумагѣ—знакъ радости—полное заботливыхъ вопросовъ о здоровьѣ, всякихъ пожеланій и похвалъ; въ томъ же письмѣ они обстоятельно уведомляютъ о своемъ имени, фамиліи, принадлежности къ извѣстному роду, о мѣстѣ жительства... Въ концѣ добавляютъ, что у нихъ есть столько то сыновей, изъ которыхъ одинъ могъ бы жениться; затѣмъ добавляется, что имъ извѣстно, что въ такой-то семьѣ есть дѣвушка-невеста. Отвѣтъ родителей дѣвушки рѣшаетъ вопросъ: если они отвѣтятъ согласіемъ, дѣвушка считается невестой; все остальное только дополненіе къ главному, т. е. согласію родителей. Родители затѣмъ поручаютъ гадалщику шаману опредѣлить счастливый для брака день; для этого годы жениха и невесты складываются вмѣстѣ и отыскивается звѣзда, отвѣчающая суммѣ лѣтъ. День звѣзды и назначается днемъ свадьбы, а день каждой звѣзды опредѣленъ и записанъ въ книгахъ корейскихъ ученыхъ. Самый об-

рядъ брака заключается въ обмѣнѣ подарковъ. Молодой посылаетъ своей будущей женѣ свертокъ ткани, изъ которой она обязана ему сшить свадебное платье. Другіе подарки, обозначенные въ брачномъ условіи, друзья молодого несутъ въ домъ невесты. По пути ихъ нерѣдко встрѣчаютъ родственники послѣдней и возникаетъ драка, такъ какъ, по корейскому повѣрію, тотъ, кто побѣдитъ и отыметъ свадебные подарки, будетъ пользоваться всѣми выгодами заключающагося брака. Послѣ отправленія подарковъ молодой, который, несмотря на свой возрастъ, считался до сихъ поръ несовершеннолѣтнимъ, заплетаетъ наконецъ свои волосы въ шиньонъ и свертываетъ его на макушкѣ головы. Только теперь онъ полноправный гражданинъ. Онъ по этому случаю устраиваетъ пиръ для своихъ знакомыхъ, причемъ обязательно приглашаетъ ихъ лично.

Въ день свадьбы знакомые и родственники жениха, одѣвшись въ лучшія свои платья, въ часъ, заранѣе назначенный шаманомъ, отправляются въ домъ невесты. Молодой ѣдетъ верхомъ или въ крытой повозокѣ. Впереди его двое людей несутъ бѣлый зонтикъ и живую дикую утку—символъ (знакъ) супружества. Эту утку или, если ее раздобыть не удалось, то картонное ея изображеніе служителя помѣщаютъ въ домъ невесты, на чашкѣ полной риса.

У воротъ дома отецъ невесты встрѣчаетъ жениха и его друзей. Всѣ они слѣзаютъ съ лошадей, снимаютъ верхнія, роскошныя платья и входятъ въ домъ въ обыкновенныхъ домашнихъ костюмахъ. Женихъ входитъ первымъ и въ главной комнатѣ дома находитъ свою будущую жену, которую часто ви-

дять впервые. Молодыхъ сажаютъ рядомъ на богато украшенномъ возвышеніи; тамъ они приносятъ

Корейская пляска съ платкомъ.

духамъ жертвы, состоящія изъ утки и ястреба, и кланяются въ поясъ два раза другъ другу, затѣмъ четыре раза кланяются своимъ родителямъ. Под-

ружки, друзья и родственники молодых тоже дѣлаютъ взаимные поклоны. Затѣмъ подружки наполняютъ рисовой водкой (сули) маленькую, тыквенную чашечку, выкрашенную въ красный цвѣтъ и искусно перевитую красными и голубыми нитками, Эта чаша зовется „чашей радости“; ее подносятъ не вѣстѣ, которая, отпивши немного, подаетъ ее въ свою очередь жениху. Тотъ выпиваетъ остатокъ, и бракъ считается заключеннымъ. Тутъ же пишется объ этомъ протоколъ, который новобрачные подписываютъ, а если этого сдѣлать не могутъ, то прикладываютъ руку, обмокнутую въ тушь. Документъ разрывается пополамъ и половину забираетъ мужъ, а половину жена.

Молодая уводитъ къ себѣ, на женскую половину дома, а молодой пируетъ дальше съ друзьями. Жена, по корейскимъ понятіямъ, не должна разговаривать много съ мужемъ, а еще меньше должна разговаривать съ его родителями. Все ея вниманіе должно быть направлено на угожденіе мужу и особенно матери мужа... Послѣднія не всегда бываютъ достаточно обходительны и справедливы со своими молодыми не вѣстками, и корейскимъ женщинамъ тяжело иногда приходится въ семьѣ мужа. Въ знакъ своего замужества онѣ со дня свадьбы заплетаютъ свои волосы въ двѣ косы.

Корейскіе обряды брачные и похоронные заимствованы цѣликомъ у китайцевъ.

XI. Конецъ моего путешествія.

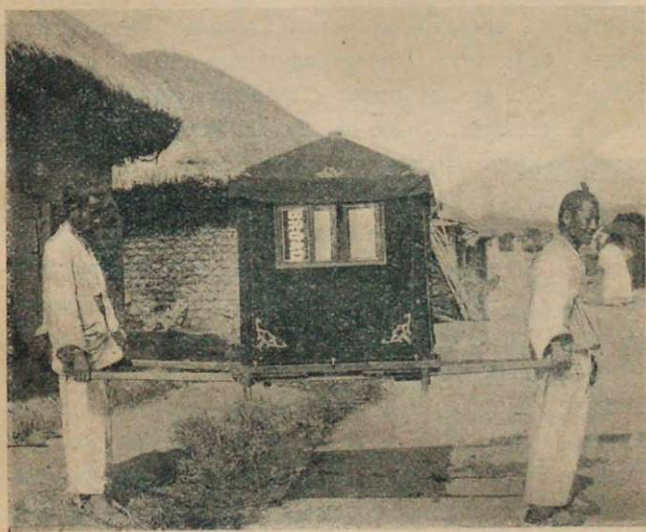
Поѣздка моя близилась къ концу. До Сеула осталось всего три дневныхъ переѣзда, и я думаю, что за лучшимъ окончаніемъ моего разсказа о странѣ Утренняго Спокойствія будетъ соотвѣтственная выписка изъ моего дорожнаго дневника.

28-го октября.

...На томъ концѣ деревни Нянгъ-дамъ стоялъ великолѣпный дорожный столбъ (и 10 „и“) — фигура человѣка съ оскаленными зубами, въ дворянскомъ колпакѣ (маньгонъ) на макушкѣ. У столба лежала куча камней, накрытыхъ цыновкой точно кровлей. Возможно, что это были развалины придорожной часовенки. На мои разспросы тон-са покачивается таинственно головой; онъ положительно отказывается разсказывать мнѣ что-либо „о скверныхъ предметахъ во избѣжаніе несчастія“. Далѣе по другую сторону дороги на косогорѣ стоитъ рядъ плоскихъ камней, какіе въ Японіи ставятъ на могилахъ. Тон-са объясняетъ, что это — памятники „добродѣтельныхъ волостныхъ старшинъ“.

Впереди насъ узенькая, прекрасно воздѣланная долина, орошаетъ ее рѣчка Цхоронгъ. На дорогѣ много носильщиковъ и длинные караваны вьючныхъ лошадей. Среди полей — рощицы деревьевъ. Не далѣе какъ въ 6-ти „и“ (3 версты) отъ Нянгъ-дамъ видна деревушка подъ утесомъ. У дороги два большихъ могильныхъ кургана. Два „и“ (1 верста) далѣе — деревня, окруженная полями табаку и салата. Отъ

табаку остались только обобранные оземки, но салатъ все еще держится, и утренники не особенно повредили ему. Глаза съ удовольствіемъ останавливаются на живой его зелени, затѣмъ переходятъ на рыжій осенній ландшафтъ и поднимаются вверхъ къ сіяющему золотомъ солнца небосклону. Мы опере-

Корейскій паланкинъ.

жаемъ тяжелую корейскую телѣгу, до верха нагруженную хворостомъ. Горы такого хвороста виднѣются въ деревнѣ, куда мы выѣзжаемъ. Долина суживается до 200 сажень. Встрѣчаемъ отрядъ бѣло-одѣтыхъ корейцевъ и три паланкина. Одинъ, пустой, стоитъ среди дороги; въ немъ лежатъ пуховая, изящно расшитая подушка и красное одѣяло съ

тигрообразными полосами; у другого мужчина въ зеленомъ шелковомъ халатѣ; третій паланкинъ быстро удаляется, уносимый четырьмя рослыми носильщиками. Въ немъ сидитъ женщина, которая внимательно разглядываетъ насъ сквозь желтыя занавѣски. На поляхъ вездѣ чернѣютъ кучи подобранныхъ камней. Дорога все улучшается и вдругъ превращается въ широкій, колесный, твердый путь. Много людей работаетъ среди пашень, вдали дымятся селенія. Съ запада прошла большая рѣчка, которую ма-пху называлъ По-мо-ги. Въ попутной деревенькѣ разгаръ молотбы риса; молотильщики опять заняли всю улицу, негдѣ проѣхать. Очевидно, въ Корѣ это обычай. Осюда мы вышли къ какому-то тихому водоему, живописно обрамленному у береговъ тростникомъ да ивами. Я думалъ, что это широкая рѣчка, но оказалось, что это большая запруда ручья, оросительный бассейнъ. Вдали пахари поднимаютъ пажить. Пашутъ всѣ парными плугами, кладутъ полосы круго, высоко, борозды рѣжутъ глубоко, по колѣно. За каждымъ пахаремъ идетъ мужикъ, разбиваетъ затвердѣвшія глыбы и равняетъ пашню. Село. Много постоянныхъ дворовъ. На отброшенныхъ прилавкахъ-ставняхъ кухонныхъ оконъ бѣлѣетъ посуда, горятъ кучи зололистыхъ „каки“, манятъ прохожаго папуши бурога табаку. Поселяне столпились у домовъ и глядятъ на насъ; два сѣдобородые старика съ длинными посохами въ рукахъ вышли на середину улицы, чтобы лучше разглядѣть насъ.

Перебираемся черезъ низенькій перевалъ и вступаемъ въ небольшую котловину, окруженную кольцомъ нагихъ горъ; косогоры нѣкоторыхъ воздѣланы

до самых верхушекъ, почва не особенная, супесчаная. Долина сузилась до 50-ти сажень, почти всю ее занимаетъ русло быстрого потока. Проходимъ узенькую, горную перемычку и вступаемъ въ обширную долину, гдѣ тугъ же у дороги расположились двѣ деревни. Пробираясь по деревенской улицѣ, мы натываемся на толстенякаго мальчугана съ громадной рѣдкой въ рукахъ. На немъ только красная кофточка, едва покрывающая верхнюю часть тѣла; ребенокъ беззаботно смѣется, уставившись выпуклыми глазами на нашего ма-пху, сгоняющаго его съ дороги. Вдругъ онъ замѣчаетъ меня, и лицо его удлинняется, улыбка мертвѣетъ и превращается въ плачь, полный безпредѣльнаго отчаянія. Господинъ съ громадными, точно совыи глаза, очками на носу глядитъ на насъ неодобрительно. Солнце скрылось за край горы, длинныя тѣни побѣжали по долину, но на небѣ все еще сіяетъ день. Въ заросляхъ желтой чумицы, выросшей выше человѣка, въ чащѣ крѣпкаго, рослаго какъ кустарникъ гаоляна съ темнымъ зерномъ позвякиваютъ косы да серпы и слышны голоса жнецовъ; но людей не видно, только хлѣба колышутся, шумятъ и склоняются долу. По дорогѣ плетется по направленію къ дымящейся деревнѣ рядъ бѣло-одѣтыхъ путниковъ. Ѣдетъ караванъ купцовъ, которыхъ мы опередили поутру. Они настигли насъ, такъ какъ мои непрерывные разспросы и уклоненія въ сторону задерживаютъ сильно наше движеніе. Мы минуемъ двоихъ пахарей, возвращающихся домой; одинъ гонитъ впереди себя пару крупныхъ сивыхъ воловъ съ прямыми, короткими рогами, другой несетъ на спинѣ собранный и

подвязанный плугъ. Вечернія тѣни густѣютъ, въ воздухѣ повѣяло прохладой, надъ рисовыми полями зарѣялъ легкій туманъ. Онъ перемѣшивается съ дымомъ многочисленныхъ селъ и сизой дымкой заволакиваетъ окрестности. Скоро солнце совсѣмъ потухнетъ. Но вотъ оно нашло гдѣ-то въ горахъ щель и еще разъ наводнило всю долину потоками алаго свѣта. Щелистые утесы напротивъ вдругъ загорѣлись точно кучи пламенѣющихъ углей; пониже колышутся розовые туманы; среди нихъ неясно мелькаютъ рощи несжатаго гаоляна, сѣрыя, плоскія деревеньки и бѣлыя фигуры путниковъ. Крестьяне разомъ бросили работы и двинулись домой. Только одинъ какой-то усердный чрезмѣрно сѣятель все продолжаетъ бросать въ глубокія борозды проросшее зерно пшеницы, смѣшанное съ землей и тукомъ. За нимъ идетъ его помощникъ, загребаешь по сѣвѣ граблями и плотно утаптывать его босыми ступнями.

Я усталъ; мы сдѣлали сегодня 95 „и“ и я съ удовольствіемъ вѣзжаю въ большое, задымленное село Среуль надъ рѣчкой Таре, гдѣ мы рѣшили ночевать.

29-го октября.

Я остановился на мгновеніе передъ часовенкой, чтобы сдѣлать ея набросокъ въ моей записной книжкѣ.

Утро прелестно. Лиловыя верхушки горъ горятъ отъ розовыхъ лучей зари; внизу виситъ мгла. Поля, деревни, деревья и воды чуть просвѣчиваютъ изъ-за нихъ. Тихо рокочетъ далекая рѣчушка. Мостикъ на

ней еле обозначился темной, горбатой чертой. Въ молочно-свѣтломъ, туманномъ воздухѣ на бугрѣ вдругъ появился черный, гробообразный ящикъ паланкина, мелькнулъ и исчезъ. Бѣлые носильщики быстро шагали, точно кто-то гнался за ними. Все тише позвякивали бубенчики моего удаляющагося каравана, все глуше постукивали копыта лошадей по замерзшей дорогѣ. Бурая, заиндевѣлая отъ утренника пашни дремали покойно, дремала дорожная пыль на еще пустынныхъ тропинкахъ... За нами въ пеленахъ деревенскаго дыма зазвучалъ окрикъ и умолкъ безъ отклика... Тихо, тише комариного жужжанія, звякнуло въ сторонѣ желѣзо... Спокойно, но не мертвенно... Вѣтерокъ вѣетъ, хотя онъ не въ силахъ закачать былинку... Теперь я знаю, что такое страна Утренняго Спокойствія! Несчастливая страна, вѣчно жаждущая умиротворенія! Удивительная страна заботливо воздѣланныхъ, глубокихъ и тихихъ долинъ среди высокихъ, бесплодныхъ и вѣтреныхъ скалъ.

Я взбираюсь на сѣдло, но записной книжки и карандаша по обыкновенію не выпускаю изъ рукъ.

Если я не успѣваю чего-либо записать, то я поспѣшно черчу предметъ или ландшафтъ на той же страницѣ записей. Моя книжка похожа на японское, народное изданіе,—вся испещрена разнообразными рисунками. Опять невысокій перевалъ; а за нимъ опять долина. На поляхъ высокая, напоминающая „конскій зубъ“, чумица, еще несжатая; кругомъ прыгаютъ и летаютъ пестрые сороки.

Окрестности слегка волнисты, исчерчены выемками рисовыхъ полей, оцѣплены грядами зубчатыхъ

горъ. Среди долины одинокія, старыя деревья, кривыя сосны, вѣтвистые дубы, еще одѣтые краснымъ

Сеулъ. Мраморный памятникъ на черепахъ.

листомъ, черные ильмы съ тонкими жилистыми побѣгами, великолѣпные сладкіе каштаны... Мѣстами

они собираются въ купы, мѣстами вытягиваются правильными рядами у дорогъ, точно шпалеры старыхъ солдатъ. Тамъ и сямъ виднѣются круглые, могильные курганы. Села убѣжали изъ долины, гдѣ воздѣлана каждая пядь земли, къ подножьямъ скалистыхъ горъ. Оттуда, изъ-подъ утеса, вылетѣлъ сизый соколъ и поплылъ надъ землей. Рись еще мѣстами не сжатъ. Людей не видно. Мы миновали кучку пахарей, грѣющихся у костра въ ожиданіи, пока оттаютъ замерзшія поля. Запряженные въ ярма волы стояли поблизости, пережевывая утренній кормъ. Дымъ костра низко стлался по землѣ и смѣшивался съ дымомъ далекой деревушки. Блѣдное солнце блеснуло изъ-за неровныхъ утесовъ. Горы сомкнулись передъ нами, оставляя для прохода узенькую щель. За нимъ къ юго-западу открывается обширная долина. На дорогахъ вдругъ появились многочисленные прохожіе. Среди нихъ много коробейниковъ—странствующихъ торговцевъ (пу-саней) — въ желтыхъ, бамбуковыхъ шляпахъ-цилиндрахъ. Въ отдаленіи замѣчаю странную гору, одинокую и остроко-нечную, точно сахарная голова, съ букетомъ сосенъ на верхушкѣ. По сосѣдству—красивая ложбинка, окру-женная хвойнымъ лѣсочкомъ, и опять длинная лента гнѣдыхъ и сивыхъ лошадей, отягченныхъ вьюками. Изъ-подъ груза свѣшиваются и колышутся на ходу крѣпкія, твердыя рисовыя метелки, маленькія, по-хожія на украшенія. Онѣ служатъ для чистки ло-шадей. Низенькій перевалъ, поросшій ильмами. Сей-часъ за нимъ деревня, рѣчка, деревня и еще де-ревня... Взмываемъ на новый небольшой перевалъ, и неожиданно внизу подъ нами засверкало большое

озеро. Я не нашелъ этого озера ни на одной картѣ, и не упоминается о немъ ни въ одномъ пока путешествіи.

— Ханъ-юуль-канъ! сказалъ тон-са.—Сто десять „и“ отъ Сеула!..

На восточномъ краю озера прямо изъ воды поднимается отвѣсный утесъ; западный берегъ плоскъ, каменистъ и, очевидно, часто заливадается поемной водой. Изъ озера вытекаетъ неглубокая, но быстрая и довольно широкая рѣка; она поворачиваетъ на западъ и исчезаетъ среди высокихъ, крутыхъ горъ. Съ востока впадала въ озеро почти подъ прямымъ угломъ другая рѣчка, также быстрая, но менѣе широкая. Переплываемъ первую на большомъ поромѣ. За провозъ трехъ людей и двухъ лошадей съ насъ взяли 50 пхунъ (10 коп.). Пересѣкаемъ каменистую отмель, проходимъ по воздушному мостику второй рукавъ рѣки, оставляемъ живописную котловину и взбираемся опять на невысокій перевалъ. Дно сосѣдней долины полно дубовыхъ рощъ; соснякъ покрываетъ склоны. Деревня. У вѣзда стоитъ каменный алтарь съ крупной связкой жердей, палокъ, обвѣшанныхъ соломенными веревками и тряпками. Дорога проходитъ по рѣдкому подлѣску. Выше кудрявится дубнякъ. Двѣ старыя сосны стерегутъ красивую могилу. Перевалъ; рѣчка въ яру подъ западной грядой горъ. Маленькая котловина среди сопковидныхъ вершинъ. Вездѣ хорошо воздѣланные поля. Внизу, недалеко, у каменистаго русла потока стоитъ нѣсколько избъ. Долина поворачиваетъ къ востоку, откуда течетъ ручей. Поворачиваемъ и мы туда и движемся вверхъ по теченію. Ручей ма-пху

назвалъ Тонгъ-чакъ. Недалеко у дороги роща огромныхъ, древовидныхъ можжевельниковъ. Окрестности густо населены, обработка полей отличная, отдѣльные домишки и небольшія деревушки прячутся среди деревьевъ и кустовъ. Очевидно, жители уже не опасаются тигровъ и разбойниковъ и селятся порознь. Сѣтъ дорогъ и тропинокъ расходится по всѣмъ направленіямъ...

Въ то время, когда я собиралъ насѣкомыхъ, мои люди скрылись за холмомъ.

Я не нашелъ ихъ ни на дорогѣ, ни въ деревнѣ за четыре „и“ дальше. Тамъ мнѣ сказали туземцы, что спутники мои остались назади. Возвращаюсь назадъ; встрѣчаетъ меня испуганный тон-са.

— Что случилось?

— Не зная, что сэръ желаетъ остановиться въ той деревнѣ, мы приготовили все въ другой „суль-мачи“ (гостиницѣ).

Онъ разсказалъ мнѣ, что большая деревня, откуда я вернулся, зовется Пхутъ-кчангъ и находится въ 80-ти „и“ отъ Сеула. До полудня мы, значитъ, сдѣлали 50 „и“.

Послѣ обѣда мы двинулись дальше. Впереди насъ обширная долина, вся занятая рисовыми полями. Безчисленныя деревни ютятся у подножья горъ по сторонамъ; есть, впрочемъ, усадьбы и среди полей. Вездѣ на деревенскихъ улицахъ сохнеть на цыновкахъ свѣже-обмоченный рисъ и пшеница, въ сторонѣ лежатъ кучи мякины и избитой соломы. Пахнетъ зерномъ. Лица мужиковъ сіяютъ, щеки дѣтей округлены и румяны,—годъ выдался урожайный. Замѣчаю большую старательность въ обработкѣ пашень;

межи мѣстами обсажены деревьями, въ бороздахъ густо зеленѣютъ всходы озимой пшеницы. Посѣвы чумицзы, гороха, ячменя высоко взбираются на покатоcти горъ, внизу—все рисъ. Ландшафтъ сильно напоминаетъ сѣверный Китай. Подъ вѣтвистымъ дубомъ виднѣются три большія могилы съ каменными фигурами и надгробными камнями. Немного дальше въ сосновомъ лѣсочкѣ опять могилы. Дороги ровныя, гладкія, довольно широкія и часто обсажены деревьями. Сторонами все тѣ же корявыя, крутыя корейскія горы, покрытыя рѣдкимъ соснякомъ. Благодаря обилію деревьевъ, окрестности кажутся все веселѣе и красивѣе и заставляютъ забыть объ угрюмыхъ, безплодныхъ утесахъ.

Впереди насъ далеко поднимаются бѣлыя зазубренныя и потрескавшіяся вершины, это—гранитныя скалы Самъ-кыкъ-саня, поднимающіяся на 800 слишкомъ метровъ, уже надъ долиной Сеула. Попутныя деревушки состоятъ почти исключительно изъ постоянныхъ дворовъ. У всѣхъ домовъ кухонныя ставни-прилавки откинута, на нихъ бѣлѣютъ ложки и плошки, въ глубинѣ покоятся съѣстные припасы. На улицахъ—движеніе; въ сараяхъ лошади прожорливо уплетаютъ кормъ, визжатъ и дерутся. На дорогахъ много путниковъ, а у дорогъ и въ сторонѣ—все больше и больше могилъ. Нѣкоторыя окружены серповиднымъ землянымъ валомъ, украшены каменными фигурами и памятниками, осынены красивыми деревьями; другія заброшены, обнажены, стоятъ въ солнечномъ зноѣ, безпріютныя, точно осыпи корейскихъ горъ.

Выѣзжаемъ на отличную, широкую, торную до-

рогу — лучший путь, какой я видѣлъ въ Корей. Во многихъ частяхъ онъ обсаженъ по обоимъ сторонамъ великолѣпными шпалерами крупныхъ деревьевъ — сладкихъ каштановъ, дубовъ, ильмовъ. Первые здѣсь еще зеленѣютъ, въ то время какъ дубы чуть обожжены осенью, а ильмы совсѣмъ уже лишились листвы. Большая часть рисовыхъ полей затоплена, зато въ рѣчкахъ почти нѣтъ воды. Ручьи чуть струятся, они не въ силахъ вертѣть даже рисодекоръ, и все чаще я вижу женщинъ, топчущихъ лопасти домашнихъ мельницъ.

Приближаемся къ подножію Самъ-кыкъ-саня; вершину его вѣнчаютъ три острые главы, отъ которыхъ онъ получилъ свое прозвище ¹⁾. Солнце прячется какъ разъ за него, и золотисто-розовая сосѣдняя долина съ малахитовыми пятнами роцъ сразу меркнетъ и блѣднѣетъ. Дорога вѣетъ у самой горы, огибаетъ ее... По ту сторону долины видны также причудливо размытые и вывѣтрившіеся утесы, золотые отъ заливающихъ ихъ лучей заката. Мы обошли гору Самъ - кыкъ - сань и вступили въ тѣнистое ущелье, полное каменистыхъ розсыпей, крупно-зернистаго песка и горнаго мусора. Поистинѣ думаю, что эта котловина доставляетъ всѣмъ окрестностямъ слой острой, бѣлой пыли, которая толстымъ налетомъ покрываетъ землю и скалы, деревья и хлѣба далеко кругомъ. Торная дорога мѣстами совершенно исчезаетъ подъ скалистыми обвалами. Минуемъ усталаго носильщика, который прилегъ у дороги и тяжело выдыхаетъ воздухъ изъ стѣсненной груди; рядомъ

¹⁾ Самъ—три, кыкъ—высокій, сань—гора.

стоять его высокія носилки съ грузной ношей. Въ ущельѣ — прохладныя, прозрачныя сумерки. Тамъ нѣтъ ничего кромѣ песку и камней: ни полей, ни избъ, ни кустовъ, нѣтъ даже жалкой горной травы и сорныхъ травъ,—все потоплено движущимися пото-

„Рикша“.

ками измельченнаго гранита. Скоро мы очутились у выхода, и опять передъ нами развернулась просторная равнина, испещренная блестящими рисовыми полями и темными пашнями съ зеленѣющими полосами озимыхъ всходовъ. Кругомъ нея поднимаются всѣ тѣ же зубчатые утесы гранита, золотисто-бѣлые вблизи и золотисто-голубые вдали. Надъ ними повисли бѣлыя пушистыя облака; хороводы бѣло-одѣтыхъ путниковъ идутъ къ нимъ по бѣлымъ дорогамъ...

Сказочная страна „Бѣлаго Сна“, залитая мягкими лучами бѣломолочнаго солнца!

Путешествіе наше затянулось на ночь, и мы двигались нѣкоторое время при свѣтѣ молодого мѣсяца. Дорога опустѣла, копыта нашихъ лошадей одиноко постукивали по твердому полотну пути. Крупныя, ломанья тѣни горъ и утесовъ, мелкія кудрявыя отраженія роцъ и деревьевъ, смѣшиваясь съ неясными зигзагами рисовыхъ плотинъ, съ ихъ черными отраженіями въ серебристыхъ спокойныхъ водахъ, образовали сказочной причудливости узоры на фонѣ бѣлыхъ горъ и бѣлыхъ равнинъ. Вездѣ, и ближе и дальше, изъ ночного мрака выступали молочныя отъ луннаго сіянія, неясныя въ очертаніяхъ, точно въ воздухѣ повисшія отдѣльныя скалы или сомкнутые ихъ ряды...

Заночевали мы въ деревнѣ Писанъ-гори въ 50 „и“ отъ Сеула. Тамъ будемъ завтра.

30-го октября.

Въ этой деревнѣ, что ни домъ, то постояль дворъ, и во всѣхъ полнымъ-полно. Поутру возникъ шумъ; у постояльца напротивъ воры украли ночью цѣлое состояніе—2,000 пхунъ (4 руб.). Напуганный тон-са то и дѣло осматриваетъ нашъ багажъ.

Прислуживающій намъ мальчуганъ очень любезенъ: онъ постоянно освѣдомляется, не нужно ли намъ чего-нибудь и по собственному почину вычистилъ мнѣ платье и сапоги.

Первый разъ во всю дорогу натыкаюсь на такую немного назойливую услужливость. Корейцы въ общемъ вѣжливы и гостепріимны, но безъ раболѣ-

пня. Въ моментъ отъѣзда мальчикъ попросилъ на чай. Это былъ единственный „на чай“, который мнѣ пришлось дать въ Корей, такъ какъ тамъ всякія надбавки не въ обычаѣ.

Днемъ слѣдовало ожидать зноя; потоки солнечнаго свѣта потопляли широкую, гладкую, бѣлую какъ мѣлъ дорогу и безчисленныя плотины рисовыхъ полей. Вездѣ сверкала вода. Глаза болѣли отъ этой бѣлизны и блеска. Вдобавокъ вѣтеръ поднималъ облака пыли. Придорожные деревья и кусты побѣлѣли отъ него точно отъ инея. Черезъ версту-двѣ—деревни, тоже пыльныя и сѣрыя. Толпы прохожихъ все растутъ. Они ѣдутъ и везутъ товары на лошадахъ, быкахъ ослахъ, но преимущественно несутъ на собственныхъ спинахъ. Идутъ женщины съ громадными кувшинами на головахъ, полными зерна или жидкостей, а другія—съ корзинами плодовъ, съ узлами платья, конопли, ваты...

Мужчины несутъ на спинахъ связки хвороста, снопы солома и сѣна, разные предметы, утварь, наконецъ круглые мѣшки риса, вѣсомъ до 2-хъ пудовъ, зашитые въ цыновки. Записные носильщики движутся длинными рядами гуськомъ, жалобно охая и вскрикивая. Ихъ ноги тонутъ глубоко въ песокъ или бьютъ крѣпко по твердой землѣ тропинокъ. Я никогда не могъ безъ волненія слушать ихъ жалобные стоны. Помню, однажды вечеромъ такой рядъ носильщиковъ подходилъ къ деревнѣ, гдѣ, очевидно, предстояла имъ ночевка. Одинъ парень, болѣе слабый, отсталъ отъ товарищей; они ждали его, поставивъ свой грузъ на подпоркахъ; нѣкоторые даже вернулись и голосомъ да совѣтами ободряли несчастнаго.

Лицо юноши представляло синюю безобразную маску, окаменѣвшую отъ страданія и напряженія; заплаканныя кровью глаза съ отчаяніемъ глядѣли на все еще далекую деревню...

Много селъ, много сосновыхъ лѣсочковъ, много могилъ... Дорога тверда и гладка, точно шоссе. Она содержится заботливо, по бокамъ ея рвы. Понятно: сюда, случается, ѣздитъ и самъ императоръ. Минуемъ великолѣпный храмъ, окруженный бѣлой стѣной и большимъ количествомъ могильныхъ кургановъ (янъ-чжю). Множество лошадей налегкѣ возвращается изъ Сеула. Среди прохожихъ часто попадаются солдаты; разъ замѣтилъ я даже полицейскаго. Высокіе водопроводы, мѣстами земляные, мѣстами деревянные, отводятъ воду на поля. Она вездѣ струится и рокошетъ, тѣмъ не менѣе окрестности кажутся сухими, безводными. Чарующее прямо впечатлѣніе производятъ шпалеры старыхъ деревьевъ вдоль дороги. Появляются все чаще особнячки-усады, крытые черепицей, щеголеватыя дачи, окруженные хорошенькими садами, обстроенныя прочными хозяйственными постройками. Я раньше такихъ не видѣлъ. Ма-пху показываетъ вдали дымъ, поднимающійся широкимъ столбомъ надъ горами, и увѣряетъ, что это—Сеулъ. Толпы прохожихъ все густѣютъ. Проѣхали мимо насъ какіе-то сановники въ шелкахъ. Впереди ихъ бѣжали скороходы. Много паланкиновъ, и въ нихъ не однѣ только женщины. Частенько оттуда выглядываетъ одутловатое лицо чиновника или щеголь въ очкахъ. Нѣкоторые ѣдутъ на осликахъ... Говоръ, смѣхъ... Прохожіе обмѣниваются шутками, спрашиваютъ о чемъ-то

моего тонъ-су, который сегодня одѣтъ старательнѣе и держится необыкновенно степенно. Онъ все отмалчивается. У него жестоко болить нога, онъ стеръ себѣ ее до крови, и между пальцами у него образовались нарывы. Тщетно онъ мочилъ ее въ горячей водѣ на ночевкахъ, тщетно мазалъ взятымъ у меня вазелиномъ,—раны все увеличивались, боль возрастала, лицо тонъ-сы худѣло, чернѣло, и онъ съ тоской, видимо, ожидалъ конца путешествія. Но онъ не жаловался и не забывалъ своихъ обязанностей.

Минuemъ прелестный каналъ быстро бѣгущей воды среди двухъ рядовъ могучихъ каштановъ. Въ деревенскихъ лавкахъ и на улицахъ торгоши продаютъ печеные плоды этихъ деревьевъ по сказочно-низкимъ цѣнамъ; не менѣе дешевы и превосходные корейскіе каки, которымъ нѣтъ равныхъ на Восто-кѣ. Я купилъ нѣсколько штукъ и подѣлился ими съ ма-пху и тон-сой. Тон-са, согласно велѣніямъ корейскихъ прѣвилъ приличія, купилъ въ слѣдующей деревнѣ сладкихъ каштановъ и угостилъ меня въ свою очередь... Я замѣчаю въ обращеніи его со мною нѣкоторую нѣжность и большую заботливость... Хотя хромымъ, онъ старается не отставать отъ моей лошади и безъ всякой просьбы съ моей стороны даетъ объясненія и указываетъ на интересные предметы. Надо думать, что онъ намѣревался просить прибавки!

Бѣлая горы, бѣлая дорога, бѣлая толпы прохожихъ, бѣлая на небѣ тучи да бѣлая въ воздухѣ пыль... Громадные камни... Путь прегражденъ высокимъ горнымъ переваломъ. Мы взбираемся на него

по крутому подъему, высѣченному въ скалахъ. Живописная скалистая котловина, окруженная утесами... На самомъ перевалѣ—узкій проходъ среди гранитныхъ отвѣсовъ, на которыхъ начертаны большіе китайскіе іероглифы; дальше обыкновенный жертвенникъ изъ камней, кругомъ него висятъ жертвенные тряпочки и шнурочки... Внизу на уступахъ спускаются жалкія хижины, убогія лавчонки, открытые лабазы со съѣстными припасами, съ плодами и овощами. Это уже—пригородъ Сеула. Спускаемся внизъ по крутой, по гладкой дорогѣ, потомъ проѣзжаемъ среди воздѣланныхъ полей и одинокихъ домиковъ и постепенно поднимаемся къ слѣдующему темному перевалу, гдѣ по гребню горъ вьется зубчатая старинная стѣна и виднѣется отверстіе городскихъ воротъ. Надъ ними—тяжелая многокровельная китайская башня.

— Сеуль! Хань-сіонъ! ¹⁾ радостно восклицаетъ ма-пху. Толпа прохожихъ густѣетъ невѣроятно. Со спины моей лошади я вижу непрерывный потокъ черныхъ громадныхъ зонтообразныхъ траурныхъ шляпъ (катъ), женскихъ цвѣтныхъ накидокъ, бѣлыхъ платковъ, спинъ, узловъ или объемистыхъ грузовъ, плавно, точно слоны, раскачивающихся среди сонмища людскихъ головъ. У дороги, вдоль домовъ, стоятъ лотки розничныхъ продавцовъ, или на шестахъ у дверей колышутся торговые знаки. Чаще всего замѣчаю метелку или старую корзину, воткну-

¹⁾ Хань-сіонъ—точно: крѣпость на рѣкѣ Хань.

тыя на высокую палку,—оповѣщающія, что здѣсь
можно подкрѣпиться сули.

Корейскіе сановники въ шляпахъ „Кать“.

Наконецъ-то мы на послѣднемъ перевалѣ и вмѣстѣ съ толпой проникаемъ подъ мрачный сводъ громадныхъ воротъ. Мощная, порядочно уже изъѣденная временемъ стѣна бѣжитъ въ обѣ стороны по косогору и вершинамъ. И ворота и стѣна, обычной китайской архитектуры, встроены изъ необожженного кирпича и облицованы гранитомъ. Покрытѣвшій отъ осени плющъ красиво свѣшивается надъ отверстіемъ воротъ. За стѣною—сѣрый, плоскій пыльный городъ, окруженный зубчатыми черными вершинами.

Мы долго кружились по улицамъ, запруженнымъ сборищемъ бѣло-одѣтыхъ корейскихъ мужиковъ, прѣхавшихъ на базаръ съ вязанками хвороста, съ дровами, съ огородными овощами, навьюченными на быковъ, ословъ, лошадей. Носильщики, охая, густо снуютъ вездѣ; проѣзжаютъ всадники въ шелкахъ и болѣе скромные въ ситцахъ; проходятъ мѣрно солдаты; сторонкой мелькаютъ женщины съ покрытыми и непокрытыми лицами, по большей части старыя и безобразныя; шныряютъ полуодѣтыя ребята. Наконецъ мы выбрались на главную улицу столицы. Вдали поднималась поверхъ строеній какая-то красная башня, въ другомъ направленіи сѣрая, остроконечная колокольня католическаго собора, внизу бѣжалъ электрическій трамвай. Сѣрый, грязный, некрасивый городъ сталъ здѣсь наряднѣе. Магазины и лавки показались мнѣ чище и богаче, улицы многолюднѣе.

Чтобы попасть въ указанную мнѣ гостиницу „Империаль“, намъ пришлось проѣхать почти весь городъ. Въ сопровожденіи множества любопытныхъ

мы остановились наконецъ на маленькой площади передъ воротами новаго императорскаго дворца. По одну сторону этой площади помѣщались дворцовыя казармы, по другую—двѣ лучшія европейскія гостиницы Сеула.

Монсье Мули, который долгое время былъ поваромъ во Владивостокѣ, привѣтствовалъ меня на сильно ломаномъ русскомъ языкѣ.

— Я дамъ вамъ такой комната, что всегда видно корейскій императоръ!..

— Прекрасно! Нельзя ли мнѣ прежде всего выкупаться?

— Зачѣмъ нельзя!? Можно!.. Только мой ванна скоро будетъ, но еще нѣтъ... Вы должны пойти въ баню въ японскій кварталъ.

Монсье Мули продолжалъ суетиться по комнатамъ и говорилъ, говорилъ безъ конца.

— Вы сейчасъ будете ходить къ министру... Это близко отсюда... Мадамъ только что ходилъ ко мнѣ... Я всѣхъ ихъ хорошо знай... Я имъ всегда что-нибудь дѣлаю... Вчера я имъ сдѣлалъ хорошій майонезъ. Мадамъ говоритъ: „Монсье Мули, монъ ами (мой другъ). Министръ тоже ходитъ и господинъ полковникъ ходитъ... Я что знаю, имъ всегда рассказывай, что слышу на базаръ или мой заведенія, сейчасъ говорю... Они ходятъ. О, монсье Мули много знай! Вы слышалъ: наша матросъ въ Чемульпо крѣпко японцамъ головы разбивалъ... Хороша наши матросъ, ихъ двадцать, японца нѣсколько сто... Нашъ молодець хорошо бьетъ!.. Японецъ дрянъ!.. Пхи!.. Будетъ война,—японецъ крѣпко колоти!.. Наша крѣпко колотить, наша...

Онъ мнѣ подмигивалъ значительно, прищелкивалъ пальцами и по случаю франко-русскаго союза присвоивалъ себѣ доблести и заслуги обѣихъ народностей.

Усталый тонъ-са терпѣливо ждалъ расчета, ма-пху выглядывалъ изъ коридора.

— Садитесь, товарищъ! обратился я по-ангійски къ тонъ-сѣ.

Монсье Мули удивленно взглянулъ на меня.

— Это ваша переводчикъ? Онъ тоже можетъ спать у меня, разрѣшилъ онъ великодушно. Съ трудомъ мнѣ удалось выпроводить любезнаго отельщика и приняться за расчетъ съ людьми.

Съ ма-пху мы быстро покончили; но, когда я подалъ тонъ-сѣ всю условленную сумму безъ вычета полученнаго имъ уже задатка, кореецъ, провѣривъ деньги, вернулъ мнѣ излишекъ.

— Вы ошиблись!

— Нѣтъ, товарищъ! Вы захромали, ранили себѣ ногу изъ-за меня, по всей вѣроятности, вамъ придется остаться нѣсколько дней въ Сеулѣ, чтобы ее вылѣчить!

— О нѣтъ завтра же отправлюсь обратно. Меня ждуть... Но разъ вы находите, что я заслужилъ эти деньги, я ихъ возьму... Благодарю васъ! Вы, значитъ, довольны мною?

— Да, я доволенъ! Хорошо бы вамъ знать больше англійскихъ словъ, но и такъ сойдетъ.

— Я бы очень желалъ выучиться хорошо по-англійски, да не у кого.

Онъ и не думалъ уходить, усѣлся на полу и дружескимъ, вѣрнымъ взглядомъ слѣдилъ за мной, но

Монсье Мули уже появился въ дверяхъ, и нашъ разговоръ прекратился.

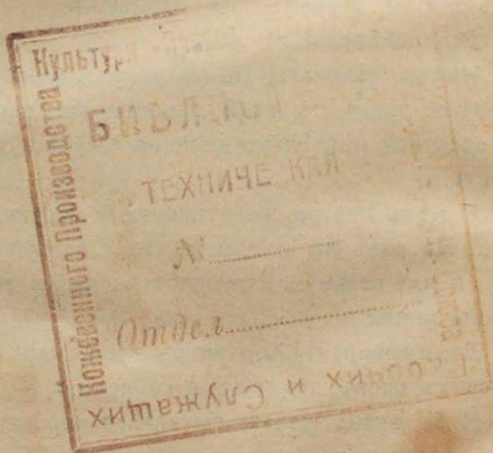
— Вы хорошій, сэръ, сказалъ тихо кореецъ, когда мнѣ опять удалось выпроводить француза.— Я уйду! Гудъ бай! (Прощайте!).

— Гудъ бай!

Мы пожали другъ другу руки. Мгновеніе туземецъ стоялъ съ поникшей головой и шевелилъ беззвучно губами. Возможно, что подыскивалъ соответственное англійское слово. Но, очевидно, не нашелъ его и только разъ еще молча, неловко пожалъ мнѣ руку.

— Гудъ бай! Гудъ бай!

КОНЕЦЪ.

б) Естествознание.—Путешествія.

- *** Море и его обитатели. Составл. по Брэму, Келлеру и др. *Э. Пименовой*. Изд. 2-е. 175 рис. Ц. 1 р.
- *** Докторъ Мухоловкинъ. Фантастическ. приключ. въ мірѣ насѣкомыхъ. *Э. Маевского*. Изд. 2-е. 125 рис. Ц. 50 к.
- *** Приключенія молодого натуралиста. *Люсьена Біара*. Изд. 2-е. 123 рис. Ц. 75 к.
- *** Въ странѣ чудесъ. Путешествіе по Индіи. *Маелля*. Изд. 2-е. 40 рис. Ц. 40 к.
- *** Голодовка у сѣвернаго полюса. Ист. одной полярной экспедиціи. *Э. Пименовой*. Изд. 2-е. 21 рис. Ц. 25 к.
- *** Воздушныя путешествія. Сост. по Тиссандье, Фалькен-горсту и др. *Э. Пименовой*. Изд. 2-е. 21 рис. Ц. 35 к.
- ** Въ степяхъ Монголіи. Пов. *В. Сьрошевскаго*. 50 рис. Ц. 60 к.
- * Въ странѣ цвѣтовъ. Пов. *В. Сьрошевскаго*. 20 рис. Ц. 50 к.
- * Въ горахъ Тибета. Путешествіе по Тибету. *С. Рин-тардтъ*. 40 рис. Ц. 60 к.
- ** Въ Центральной Азіи. Путешествіе *Свена Гедина*, 1893—1897 гг. въ Памиръ, Тибетъ и восточный Турке-станъ. Обработано *А. Анненской*. 38 рис. Ц. 1 р. 50 к.
- Малайскій Архипелагъ. Страна орангъ-утана и райской птицы. *А. Р. Уоллеса*. 31 рис. Ц. 40 коп.
- *** Міръ животныхъ. *Э. Пименовой*. Изд. 2-е. 250 рис. Ц. 1 р. 25 к.

в) Исторія, истор. повѣсти и рассказы.—Біографіи.

- Печать Цезаря. Истор. разск. *А. Рамбо*. Премировано Франц. Акад. Наукъ. Изд. 2-е. 60 рис. Ц. 60 к.
- *** За правое дѣло. Рассказъ изъ средневѣковой жизни. *Коломбъ*. Изд. 2-е. 46 рис. Ц. 35 к.
- Спартакъ. Истор. ром. *Джіованіоли*. Въ пер. *Е. Гадмеръ*. Ц. 50 к.
- Вамирѣхъ. Человѣкъ каменнаго вѣка. *Рони*. Изд. 2-е. 15 рис. Ц. 35 к.
- *** Запорожская старина. Историческ. рассказы. *В. Ра-дича*. Ц. 1 р.
- *** Пушкинъ. Его жизнь и творчество. *Н. Демидова*. 27 рис. Ц. 25 к.

Вновь вышедшія 2-мъ изданіемъ:

- * Михаилъ Фарадей. *А. Анненской*. Изд. 2-е. 14 рис. Ц. 25 коп.
- Скрипачъ. Повѣсть изъ послѣднихъ лѣтъ крѣпостного права. *А. Зарина*. Ц. 50 коп.
- Похожденія Тима. Пов. *Кэтъ Уиггинъ*. Изд. 2-е. 6 рис. Ц. 20 к.
- *** Профессоръ Допотопновъ. Необыкновенныя приключенія въ нѣдрахъ земли. *Э. Маевского*. 112 рис. Ц. 50 коп.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ „БИБЛИОТЕКИ ВСХОДОВЪ“:

- *** Антошка. Пов. *К. Станюковича*. 24 рис. Ц. 80 к.
- *** Ассанъ-хызъ. Пов. *А. Алтаева*. 15 рис. Ц. 75 к.
- *** Янъ Гусъ. Ист. пов. *А. Алтаева*. Ц. 40 к.
- *** Дѣти напрокатъ. Разск. *Миссъ Брэддонъ*. Ц. 25 к.
- *** Подъ солнцемъ Индіа. Путевыя письма. *Э. Геккеля*. 70 рис. Ц. 35 к.
- Колумбово яйцо. Сборн. игръ и развлеченій. Сост. *И. Игнатъевъ*. Съ многочисл. рис. въ текстѣ. Ц. 1 р.
- Маленькій Джорджъ. *Миссисъ Мэкъ-Эмери Стюартъ*. 5 рис. Ц. 20 коп.
- Черная смерть. Пов. изъ Флорент. жизни XV вѣка. *А. Алтаева*. 11 рис. Ц. 40 коп.
- А. В. Кольцовъ. Н. Д. Носкова*. 12 рис. Ц. 20 к.
- Въ лѣсахъ Литвы. Ист. пов. *С. Минцлова*. 28 рис. Ц. 75 к.
- Зимняя ночь и др. рассказы. *П. Розеггеръ*. 21 рис. Ц. 25 к.
- Въ лѣсахъ Америки. Рассказы. *Эрнеста Томпсона-Ситона и Стюарта Эдуарда Уайта*. 55 рис. Ц. 30 к.

УЧЕБНИКИ:

П. А. Зюкова. ТОВАРИЩЪ. Книга для чтенія въ школахъ:
 Ч. 1-ая. Азбука для обученія чтенію и письму. Ц. 15 к.—
 Ч. 2-ая. Первая послѣ азбуки книга для чтенія. Ц. 25 к.—
 Ч. 3-ья. Второй годъ обученія. Ц. 45 к.—Ч. 4-ая. Третій годъ обученія. Ц. 55 к. Части 2-ая, 3-ья и 4 я Учебно-Воспитательнымъ Комитетомъ Педагогическаго музея Военно-Учебныхъ Заведеній удостоены преміи имени *К. Д. Ушинскаго*.
 Книга *П. А. Зюковой ТОВАРИЩЪ* Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена условно въ начальныя народныя училища съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе этой книги было тщательно исправлено согласно замѣчаніямъ Ученаго Комитета.
Ея же. КНИГА ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ. Методическія указанія къ учебной книгѣ „Товарищъ“. Ц. 30 к.

При этомъ номерѣ разсылается подписчикамъ безплатное приложеніе: *В. Спрышевскій. „ВЪ СТРАНѢ УТРЕННЯГО СПОКОЙСТВІЯ“*.